

КЯНА
Кольт

ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

СОБОЛЬ

СЛОВО ОФИЦЕРА

18+

Яна Кольт
Соболь. Слово офицера
Серия «Спецназ штурмует
сердца», книга 1

<https://litres.ru/74076289>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Ты не должен был спасти меня, Соболь. Я - не твоя!

Соболь резко разворачивает меня к себе, вжимает в дверь джипа.

- Не моя? - его хриплый шепот обжигает губы, - тогда почему прошлой ночью ты звала меня во сне, детка?

Стыд волной заливают щеки.

Откуда он узнал?

Инстинктивно сжову бёдра - Соболь мгновенно это замечает. Из его горячих рук не вырваться, от темного взгляда не сбежать.

- Только моя, Аля.

Наши губы опасно близко, за миг до поцелуя.

Моего самого первого.

Канун ночи Ивана Купалы - время оживших сказок и легенд. Я лишь хотела загадать любовь. Чтоб горячо, как в сказке.

Только у судьбы на меня совершенно иные планы. Меня продали. Теперь я трофей на чужой охоте.

Но нахального спецназовца, капитана Соболева, это не смутит.
Работает спецназ.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. И в огонь, и в воду	15
Глава 2. Романтику - лесом!	29
Глава 3. Ночной охотник	39
Глава 4. Моя добыча	52
Глава 5. Разведка боем	64
Глава 6. Клуб "Волчья Луна"	76
Глава 7. Клубничное наваждение	90
Глава 8. Дельфины и акулы	105
Глава 9. Пропал ты, боец	116
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Яна Кольт

Соболь. Слово офицера

Пролог

– У тебя ровно полчаса, – холодно бросает Рашидов, – приведи себя в порядок. И хватит уже дрожать.

Стою, прижавшись спиной к стене. Дальше отступать некуда.

Из этой ловушки мне не сбежать.

Добегалась.

Вокруг коттеджа – глухой лесной массив, уходящий в горы. Места заповедные, случись что – есть тысяча способов избавиться от меня. Свидетелей не будет. На территории коттеджа – не меньше десятка вооруженных бойцов из личной охраны Тимура Рашидова.

Рашидов подходит ближе, я невольно сжимаюсь в жалкий комочек. Он отлично считывает мой страх, питается моей паникой. Препарирует ледяным взглядом, словно зверушку. Дрожа, одергиваю сарафан, слишком откровенный и короткий.

– Альбина. Красивая, – самодовольно цокает языком, – но необъезженная, дикая. Ничего, станешь покладистой. Как мне нравится. Выбора у тебя больше нет.

Глазами цепляюсь за мобильник, лежащий на комод. Рашидов мгновенно перехватывает мой взгляд и победно ухмыляется.

– Позвонить хочешь?

Поддевает двумя пальцами мой телефон и протягивает мне.

– Давай, Альбина. Удиви меня.

Чуя подвох, резко выдергиваю свой телефон из его рук. Включаю экран и едва сдерживаю глухой стон отчаяния.

Вместо полосок связи – крестик.

Ну конечно же. Связи нет.

Сознание отказывается верить, что все закончится прямо сейчас.

Думай, Альбинка, думай.

Нет времени на слабость. Любой ценой попытаться сбежать. Сама влезла в эту западню – сама и выберешься, не в первый раз. Надо успокоиться и найти удачный момент.

– Полчаса, – бросает Рашидов и выходит из гостинной.

Даже не запирает дверь.

Совсем не боится, что я сбегу. Да и куда мне бежать? Кругом реликтовый, папоротниковый лес, дальше – горы. Территория коттеджа вся нашпигована камерами – мышь не проскочит. Заборов нет, но даже самый отчаянный храбрец не сунется в логово криминального авторитета Тимура Рашидова.

Тем более, чтоб спасти такого гадкого утёнка Действовать

придется самой.

Меня никто и никогда не спасал, не заступался за меня.

На долю секунды вспоминаю Соболя Вот теперь – больно по-настоящему.

Сглатываю подступившие слёзы, но и сдаваться не собираюсь. Надежды на чудо – для слабаков. Волшебство сегоднешней ночи – кануна Ивана Купалы – не для меня.

Приказа верить в чудеса не поступало.

Подхожу к окну и раскрываю створки. На освещённой прожекторами поляне перед домом – хищно поблескивающий, тёмный вертолет. На котором меня и должны увезти.

Чуть поодаль – огромный дуб с канатом-тарзанкой. Один из охранников Рашидова под резкий свист и улюлюканья двух других бойцов показывает акробатические трюки, раскачиваясь на огромной верёвке.

Дальше – чёрная стена леса.

И вот она пугает ещё сильнее, чем все остальное. С детства панически боюсь темноты и лесов. На миг зажимаюсь и лишь усилием воли не даю себе провалиться в крошечный ад собственных воспоминаний.

«Страх может стать союзником, Аля»

Абсолютно некстати в голове звучит голос Соболя.

Всхлипываю, представив, что больше никогда не увижу его. Он так и не узнает, что я... Что я хотела его. До дрожи. До идиотских слёз в подушку прошлой ночью.

Инстинктивно облизываю пересохшие губы, вспоминая о

том, как едва не случился мой самый первый поцелуй.

И уже не случится никогда.

– Думай, Альбина, – бубню себе под нос и продолжаю изучать обстановку.

Звуки автомобильных движков за домом, открывающиеся ворота. Значит, кто-то ещё приезжает? Словно подтверждая мои догадки, трое бойцов нехотя плетутся в сторону въезда на территорию.

Дальше не думаю.

– Страх может стать союзником, – шепчу слова Соболя и и выбираюсь из окна. Больно царапнув бедром о деревянный подоконник, выпрыгиваю прямо на клумбу с шалфеем. Секунду прислушиваюсь к звукам.

Все – у ворот. Кого-то встречают.

Если бежать – то только сейчас.

Мчусь через полянку, стараясь не смотреть в сторону огромного вертолёт. Напоминающего злобную, притихшую птицу.

Слишком поздно замечаю ещё двоих охранников, курящих возле жестяной бочки с горючим. Мы одновременно засекаем друг друга. Один рывком бросается на меня, и в потёмках задевает бочку с топливом. Второй в ту же секунду отбрасывает сигарету и хватает меня за руку.

Керосин мгновенно загорается, но меня успевают оттащить от огня.

– Пустите, – безнадежно и отчаянно пытаюсь вырваться.

Но стальная хватка одного из громил становится ещё крепче.
Дёргаться бесполезно.

Слишком многое я не успела

Меня волокут к дому, но неожиданно руки удерживающие меня, разжимаются. Слышу два негромких хлопка–выстрела. Охранник медленно оседает. Рядом уже валяется неподвижное тело второго бойца.

– Так, Аля, – отрывисто командует Соболев, – быстро за мной.

Соболев?! Откуда он взялся? Как нашёл? Неважно.

Он здесь.

Соболев закрывает меня собой и ведёт прямо к рву, в котором полыхает загоревшийся керосин. Наш единственный путь к отступлению отрезан. Позади – целая банда Рашидова и через них нам не прорваться.

– Влад, нет – всхлипываю, останавливаясь перед полыхающим огнём.

– Давай, обхвати меня, – ухмыляется Соболев, раскидывая руки, – покрепче.

– Мы что, прыгнем через огонь?

Соболев безбашенный, это я поняла сразу, как только познакомилась с ним. Но чтоб настолько без тормозов?

– Аля, – рычит Соболев, – доверься. Самое время прыгнуть через купальский костер.

Вроде и шутит, а взгляд жёсткий.

Шумно выдохнув, зажмуриваюсь и нерешительно обхва-

тываю мощное, мускулистое тело руками.

– Давай, детка, – хрипло шепчет Соболев, и я чувствую, как его горячие губы почти касаются моего уха, – сожми сильнее.

Сжимаю бёдрами его накачанные бёдра. Стыд жжёт щёки, но тело не слушается. Надо же, так смело загадывала Соболя на Купалу – и вот

– Ещё сильнее. Покажи, как ты можешь.

Дыхание сбивается от понимания двусмысленности его слов. Ещё крепче вжимаюсь бёдрами в грубый камуфляж его брюк. Сарафан откровенно задирается, но сознание уже плывёт.

Пахнет от него лесом, дымом, чем-то диким. И кругом огонь, и я в огне.

– Умничка, – выдыхает Соболев и хватается за конец веревки-тарзанки.

Той самой, на которой получасом раньше дурачились охранники Рашидова.

Прижимает меня к себе так, что я слышу его сердце. Земля уходит из-под ног. Рывок – и мы пролетаем над огнём. Ветер в лицо, воздух плавится гарью, трещат искры. Отчаянно вжимаюсь в него, цепляюсь руками за сильные плечи, зажмуриваюсь с перепугу. И через мгновение – удар, жёсткое приземление, его сильные руки держат меня.

И только сейчас понимаю, что всё ещё сжимаю его бёдрами.

Тело не слушается, меня колотит. Осторожно отпускаю

Соболя. И отчаянно боюсь встречаться с его нахальными, серыми омутами. После того, *как* я его обхватила

Несмело гляжу на кусок веревки, исчезающей по ту сторону огня. Соболя стоит передо мной, заслоня собой ночь. Живой. Реальный. Ради меня он рисковал собой. Может, я ему всё-таки не безразлична?

Или просто долг офицера?

Не знаю. Но сейчас мне всё равно.

Соболь здесь.

– Аля, бегом за мной. Держись рядом.

Паника захлестывает, но мы уходим в густой подлесок, в котором скрыта тропинка. Еловые лапы колко бьют по лицу, но я не чувствую боли. Стараюсь не думать, что кругом – деревья, а лес – пожизненный источник моих кошмаров.

Была на то причина.

Выскакиваем на небольшую грунтовую дорогу и в десяти метрах – черный внедорожник Влада.

– Быстро в машину, – командует Соболя.

Запрыгиваю на переднее сиденье, с грохотом захлопываю дверь и нервно пытаюсь справиться с карабином ремня безопасности. Главное – быстрее выбраться из леса, пока я окончательно не провалилась в панику.

Соболь заводит движок. Но я холодею и замираю, как ледышка, прежде чем до моего сознания доходит причина низкой вибрации, волнами проходящей через мое тело. Воздух вздрагивает от рокота винтов.

Рашидов поднял вертолет. Нам не уйти.

Жестким рывком Соболев переключает рычаг. Двигатель рычит, но колеса с хлестким визгом крутят вхолостую – вязкий грунт не отпускает, машина увязает глубже.

Сцепление выжато на максимум, щелкают переключатели скоростей, газ в пол. Влад спокоен и сосредоточен. Джип дёргается, замирает, будто раздумывает. И раненым броском вырывается из мха. Меня швыряет вперед, но я удерживаюсь только на ремне безопасности.

Соболев выкручивает руль, уводя джип в темноту.

Вертолет не отстает, выхватывая грунтовую полосу дороги перед нами лучом прожектора.

– Ты сможешь нас вытащить? – мой голос сбивается на истеричный шепот.

Вместо ответа прилетает короткая, хриплая усмешка. Сколько мы так еще продержимся? А если по нам с воздуха откроют огонь?

Только сейчас замечаю, что по щекам градом катятся слезы. Мы не сможем уйти, вертолет влегкую обгоняет нас, а джип и так идет уже на предельной скорости. Нам не оторваться от погони. Рашидов не отпускает тех, кого считает своей собственностью.

– Рассказывай, – переключая скорости, жестко цедит Соболев, – как попала в переплет? И как перешла дорогу Лешему?

Догадываюсь, что он просто хочет меня отвлечь.

– Не знаю я никаких леших. Это вертушка Рашидова.

Вовремя затыкаюсь. Слишком много того, что я не смогу ему рассказать. И про эту чертовую вертушку. Но молчать – только хуже. Иначе, капитан Соболев начнет искать информацию по своим каналам. И такого накопает

Обдумываю подходящую версию.

Сказку «лайт».

Сверху автоматная очередь прошивает стальным дождем дорогу прямо перед нами. Вертушка обгоняет нас, Соболев резко разворачивается и съезжает с грунтовки в подлесок. Паника снова обхватывает удушливой волной.

Но одно ясно – гадкий утенок с кучей проблем капитану Соболеву точно не нужен.

– Самое время поделиться историей, – поддевает меня Соболев, пока джип заносит в резком повороте.

– Тебе не понравится

– Думаешь? – бросает Соболев и уверенно направляет джип в сторону грунтовой тропы, – уйдем от Лешего и с тебя – интересная сказка на ночь.

Джип мчится в сторону старой дороги в горную часть заповедника. Соболев не сбавляет скорость. И вертушка не отстает.

– Если выживем, – бурчу осипшим шепотом, кусая губы.

Что случится, если капитан Соболев все же узнает мою историю.

Сильные руки выкручивают руль, мы чудом не влетаем

в черные стволы деревьев, мельтешащие перед фарами. Соболев явно не намерен сдаваться и продолжает уводить машину в эти чертовы заросли.

– Лес я знаю, – усмехается Соболев, – сказки люблю. Так что не пытайся мне лгать.

Легенда спецназа ждет от меня сказку?

Так точно, товарищ капитан!

Глава 1. И в огонь, и в воду

АЛЯ

Двумя днями ранее

– Аль, ну брось занудствовать, – не выдерживает Лия и разворачивается в мою сторону на старом, поскрипывающем кресле-вертушке.

Ночная бабочка глупо и шумно колотится об металлическую антимоскитную сетку, не замечая дырки в самом углу.

Уже скоро прогресс и до нашего лагеря доберется. Лабораторный комплекс уже отстроен по последнему слову техники. Мы на очереди.

Нехотя отвлекаюсь от файлов. Чем еще на ночном дежурстве заниматься, если не подготовкой к диплому.

Как раз, лето – есть время разобраться.

– Лия, отстань. Мое лето – на что хочу, на то и трачу. Третий курс – лучше заранее подготовиться. Иначе, прощай магистратура.

– Угу, – возмущенно сопит подруга, – давай и дальше теряй время над своим дипломом, а жизнь пройдет мимо. Кстати, глянь чего я тут накопила.

Лия не отстанет, тут проще согласиться.

Откатываюсь на таком же стареньком вертлявом кресле к столу Лии и утыкаюсь в допотопный монитор. Какая–то схема, круг, значки

– Ну, и?

Подруга неодобрительно качает головой и подкатывает глаза к потолку.

– Это твой гороскоп на ближайшее время. На неделю. Между прочим, сейчас потеряешь шанс – следующий потом двенадцать лет ждать. Мужика тебе нормального надо, вот как раз Венера в пятом доме, Юпитер в секстиле

Дальше не слушаю.

Лию не остановить, просто краем уха улавливаю что-то про горячую любовь на всю жизнь, про судьбоносное знакомство. Откуда-то снаружи доносится шум прибоя – ровный, убаюкивающий. Ветром приносит запах мокрого дерева и йода – от пирса, наверное. Где-то внизу плещется вода, мягко, по-кошачьи трётся о бетонный парапет.

– опасно конечно, но по ходу судьба у тебя такая – привлекать опасных мужчин.

Вздрагиваю и возвращаюсь в реальность. За окном снова плеснуло – море будто напоминает, что оно здесь, живое, бесконечное.

– Ли, хватит. Не верю в я эти рассказы. Ну какой еще Юпитер? Что такое секстиль?

– Уже неделю, как не ретроградный, – и глазом не моргнув, тараторит подруга, – и благоприятная связка с натальной Венерой.

Что-то явно на языке высшей математики.

Но Лия не отцепится.

Проще сразу согласится на все ее идеи, чем последовательно их опровергать. Лия из тех, кто видит цель и не видит препятствий.

– Так, и что ты от меня хочешь?

Лия достает из рюкзака термос и бутылочку красного вина. Догадываюсь, что в термосе – чай на травах.

Лия с заговорщицким видом достает кружки с небольшой полочки над микроволновкой. Только мониторы тихо гудят, да за стеной – где-то совсем близко – море дышит. Тёплое, тёмное, бесконечное.

– Слушай, если мы выберемся на пару часиков отсюда – никто не заметит.

Сомнительный вариант, конечно... И мне он уже не нравится. Ветер с моря доносит заманчивый, крепкий запах соли и водорослей.

– Дежурство, – напоминаю подруге, – до восьми утра наша смена и покидать пост запрещено.

Лия смешливо фыркает и протягивает мне яблоко.

– Ты меня в это втравила, между прочим. И я имею право на моральную компенсацию. Это тебе психолог посоветовала вписаться на лето волонтером и заняться спасением дельфинов. А я ну не могла ж я тебя бросить.

Задумываюсь.

А варианты вообще были?

Мама решила бороться с моей боязнью воды и отправила к психологу, только с виду адекватной девушке. Марта Вале-

рьевна после пары консультаций заявила о том, что мне надо не бежать от своих страхов, а просто переключиться.

Ну и вот центр спасения дельфинов.

И я, совершенно не умеющая плавать волонтер.

Надкусываю яблоко, прохладный сок брызгает на пальцы.

И едва не поперхиваюсь от истошного вопля Лии. Она подсакивает на своём кресле, чуть не опрокидывая термос.

– Нельзя было!!!

Инстинктивно отбрасываю яблоко и тарашусь на подругу. Даже боюсь вслух озвучить вопрос, но по ходу кто-то перечитал сказок.

– Отравлено?

– Да нет же, – с сожалением выдает Лия, – оно для ритуала нужно. Это дар Венере. А теперь неизвестно, как все пройдет. Результат может оказаться непредсказуемым.

Надо же, и это еще не открыта бутылка красного вина. И я уже боюсь предположить, для чего она нужна. По ходу, для того же самого.

– Венере – яблоко?

Меня смех душит. Лия беспомощно отмахивается и качает головой, словно я безнадежна. Так по ней и не скажешь сейчас, что на красный диплом идет.

– Ты со своими книжками вообще из реальности выпала. Если и действовать – то сейчас. Эх, нам бы купальский костер замутить, но тогда заметят. Палиться нельзя. Ночь Ивана Купалы – через два дня, надо успеть. Загадывай желание,

проси вселенную, чтоб подарила тебе любовь. Все должно сбыться, если конечно правильно провести ритуал.

Она косится на надкусанное яблоко и выразительно добавляет.

– Теперь без косяков.

По ходу, навернулась моя ночная работа над дипломом. У Лии на сегодняшнее дежурство совершенно иные планы. И мое мнение конечно не в счет.

– Так, а бутылка? Это тоже – кому-то дар?

Лия плотоядно ухмыляется, явно задумав что-то недоброе. Знаю я этот взгляд. И думать не хочу, что там с этим вином.

– Не хочешь вино, придется кровь брать. Угадай, чью? А так – вином обойдемся. Оно только и исключительно в целях колдовства. Так надо. Мы по чуть-чуть, по глоточку Не кровожадные ж.

Так.

Ладно, хорошо хоть вино – для нас.

Поработать над дипломом все равно не получится уже.

Ладно, заодно и файлы от Савина по материалам дела моего отца тоже завтра открою. Дома, спокойно все отработаю. На свежую голову.

– Ли, прости, но я не верю во всю эту чертовщину. Ну какой Купала с гороскопами. Ты еще начни тут русалок заклинать. Вон – море рядом.

Лия не слушает меня и выуживает из рюкзака две свечи в

стеклянных колбах от ветра.

Надо же, подготовилась основательно.

– Так. А теперь давай на выход. Ничего не случится, за пару часов никто нас не хватится. Савин по ходу ждет кого-то, невовремя твой будущий отчим сегодня решил задержаться. Там на въезде, вся охрана на ушах. Интересно, кто должен приехать?

Лия явно переняла у своего мужчины манеру анализировать и везде видеть подвох.

Хотя, чем я лучше? Жизнь еще не до такого довести может.

– Да ладно, – отмахиваюсь от Лии, – имеет право, он этот центр на собственные деньги содержит. Личная инициатива. Ну и вряд ли с его уровнем он начнет тут ночной обход устраивать. У него свои дела.

Встаю – и ткань майки скользит по плечу, открывая синяк.

Быстро поправляю, но Лия уже все заметила.

Её глаза мгновенно темнеют от гнева.

– Это он, Рашидов? – она сглатывает, глядя на посиневший след от пятерни, – скажи все Савину, что тебе угрожают. Пускай разбирается.

Задумываюсь.

Слишком много проблем у очередного жениха моей мамы, и большинство – из-за меня. Как на подбор. Конечно, Савин – далеко не чужой для меня, друг семьи, помню его с детства. Дружил с моим отцом еще с армии. Но потом папы

не стало, несчастный случай на охоте.

Черт, вот только еще не хватало вечер воспоминаний устраивать.

– Так, – преувеличенно бодро улыбаюсь подруге, – где там твои ритуалы проводить? Командуй.

Лия недоверчиво косится на мое плечо и качает головой. Но больше не комментирует.

Выходим из домика – и попадаем в густую, бархатную тьму черноморской ночи. Где-то позади волонтерской базы, там, где начинается дикая посадка, стрекочут сверчки. Воздух – тёплый, чуть солёный, пахнет йодистыми водорослями и мокрой галькой.

Зачем-то оглядываюсь на ярко освещённый стеклянный корпус лабораторий, где за шторой угадывается чья-то тень.

Нет, всё сейчас спокойно. Нас точно не хватятся.

Но тень за шторой – она не двигается. Стоит и смотрит в нашу сторону. Или мне просто кажется? С чего бы, это вообще кабинет Савина. По ходу, надо снова к психологу.

Здравствуйте, Марта Валерьевна, у меня снова паранойя.

В купальские заговоры я не верю, но отчего-то захотелось хотя бы пару глоточков вина. Если Лия разрешит, конечно.

А то мало ли для каких чертей и оно припасено.

Просто, хотя бы ненадолго расслабиться. Отпустить контроль и не ждать подвоха. Хотя бы этой ночью. Для меня уже и это – волшебство.

Я и этому рада.

Зябко ежусь, но больше от волнения. Иду за Лией, босиком по теплой гальке. В одной руке – надкусанное яблоко, безнадежно испорченное для ритуала. В другой – бутылка вина.

– Волосы распусти, – строгим шепотом напоминает Лия и я стягиваю резинку с волос.

Лия устанавливает в гальке колбы со свечами, поджигает по очереди. Огоньки дрожат, отражаясь в темном стекле. Ветер бьется об стекло, но не добивает до пламени.

Открываем бутылку, отпиваем по паре глотков.

По ходу, и тут нечисть без банкета останется.

– А теперь загадывай. Только представляй в деталях. И без косяков.

Сажусь между двумя свечами, настроение – ни фига не торжественное. Еще один глоток вина. От волнения хочется смеяться и шутить.

– Аля, серьезно, – возмущается Лия и тоже едва сдерживает смех.

Просто ночь, море. Хо–ро–шо!

Зажмуриваю глаза. Но как назло никто в голову не приходит.

– Кого загадывать? Сильного, смелого, настоящего мужчину? – страдальчески гляжу на подругу, – помогай, давай.

– О, не–еет, не повторяй моих ошибок. Ну их, этих настоящих – Лия огорченно хмурится и слишком быстро замолкает.

Она осекается. Моргает слишком часто. В глазах – злые куражи и что-то мокрое, что она изо всех сил прячет.

– Ли, – мягко ищуща слова, – у вас с Марсом опять?

– Не хочу я о нем, – отрезает подруга, – и знаешь, вот послушай меня – никакого спецназа. Это только со стороны – такие brutальные, за тебя и в огонь и в воду. А потом короче, не связывайся ты с ними.

Делаю еще один глоток вина и из всей печальной тирады подруги выхватываю всего одну фразу.

«И в огонь, и в воду»

Эх

– И друзья у него, такие же, кобели самовлюбленные, один другого краше, – продолжает гневно жаловаться Лия и откупоривает термос с травяным чаем.

Без комментариев.

Знаю я, кто ее на этот чаек подсадил. И с кем она эти травы собирала неделю назад. Марс же ее и вывез куда-то, в горы. Ну не мог он накосячить. Не верю.

Ладно, не время беречь раны.

– Никакого спецназа, – назидательно повторяет Лия, так словно я специально бы загадывала.

Интересно, а почему – никакого? Хорошо, я просто хочу настоящего мужчину. Горячего, шикарного мужика. И так, чтоб за меня – и в огонь, и в воду. Размечталась, да?

Мои фантазии – только мое дело.

– И чтоб этого паскудного Рашидова отвадил раз и наве-

гда, – напоминает Лия и разом портит всё настроение.

– Тьфу, – морщусь, – зачем ты о нём опять? Вот так сидели, хорошо. Ты зачем его помянула?

– Потому что мы тут для дела, – Лия снова отпивает вино и кивает на огоньки свечей, – ну так ты уже представила, кого загадывать будешь? Или так и будешь пялиться в море и делать вид, что ничего не происходит?

– Представила, – бормочу я, но скорее для себя.

Никого я не представила толком.

С моим нулевым опытом – только в эротические фантазии погружаться.

Бутылка снова оказывается в моих руках. Даю себе слово, что это – последний глоточек. Терпкое вино отдает пряной сладостью.

Пытаюсь сосредоточиться на ощущениях.

Горячий, бархатистый шепот.

И губы, умелые. На моих. Медленно и жарко, так, что воздух кончается. Чувствую это почти по-настоящему – его дыхание, его руки, его язык. Мои пальцы сами собой сжимают горлышко бутылки, и я на секунду задерживаю дыхание, будто он действительно рядом.

Зажмурившись, четко ощущаю как мы целуемся с тем кого я так и не представила. Да и как такое вообразить, если я толком ни с кем и не целовалась.

Слюнявый опыт на выпускном – точно не брать в расчет.

– Эх, Алька, – мечтательно ухмыляется Лия, – ты безна-

дежна. Но может все получится, кто знает.

Смущенно отставляю бутылку.

Мне точно хватит.

Догрызаю яблоко. Вкусное и спелое. Задумчиво гляжу на волны, ритмично накатывающие на темную, галечную крошку.

– и окажутся на бреге, в чешуе как жар горя, тридцать три богатыря, – бубню пушкинские строки себе под нос.

Чем еще заняться ночью на море с бутылкой красного вина, если не загадывать любовь и цитировать классиков.

– Не накаркай, а то явятся сюда друзья Марса, вообще весь его спецотряд. И вместо романтики тебе – работает спецназ!

Гляжу на Лию.

Злится. Держится, старается не плакать, хотя губы дрожат. По ходу, серьезно у них там Им бы поговорить разок, нормально. Не, точно надо ее к психологу.

И этого ее, Марса тоже.

– Ли, а может сходить бы и тебе к моей Марте Валерьевне? Она реально мозги вправляет. Мне панику убрала вообще со второй встречи.

– Угу, – мрачно кивает Лия, – она у тебя спец-молодец. Не умеешь плавать? А иди-ка ты, дорогуша, дельфинов спасай. Я ее уже заочно опасаюсь.

– Зря, – уверенно отрезаю и резко оборачиваюсь на шум позади.

Вроде никого.

Только ветер шумит, чернеющая кромка подлеска и где-то далеко – свет автомобильных фар, скользнувший по деревьям. Звук поднимающегося шлагбаума.

– Так, – мгновенно командует мой любимый генерал, – бегом в домики. А то хватятся нас, чую.

Мы срываемся, словно ошпаренные.

Босиком по гальке – больно, но я не чувствую пяток. Влетаем в узкий деревянный проход между корпусами. Лия ныряет в свой домик. Я – в дежурку.

Замираю, прислонившись спиной к двери.

Тихо.

Слышу, как где-то за деревянной стеной стрекочет сверчок. И собственное дыхание слышу. Пронесло.

За окном – опять раскатистый движок машины. По ходу, внедорожник.

Кого ещё принесло в такую ночь на базу? Вообще, меня это не касается совершенно. Но загасив свет в домике, я тихонько выскальзываю на деревянную террасу, сгорая от любопытства.

На площадку перед стеклянным корпусом медленно вкатывается черный внедорожник, кажется «Гелендваген». Ну по ходу, точно кто-то к Савину. Интересно, ради кого он задерживается до ночи?

Кому приспичило ночью притащиться в закрытую лабораторию?

Задираю голову в сторону крыши лаборатории.

Отчего-то совершенно некстати вспоминаю про странную разметку с буквой «Н» посередине огромной крыши. Краска на ней кажется свежей – я не замечала её, когда приезжала месяц назад. Вертолетная площадка? Ну хотя, мало ли для экстренной эвакуации дельфинов, может быть.

Савин вполне может себе позволить и не такое.

Из внедорожника выходит мужчина и сердце пропускает удар. Шикарный, накачанный, с выправкой. Горький смешок застревает комом в горле. Отчаянно хочется верить в волшебство именно сейчас.

Дуря от собственного нахальства ... хочу вот такого. Можно? Вселенная, ты там еще на связи? Можно хотя бы если не его, то просто первый поцелуй вот с точно таким же.

Прикрываю ладошкой рот, сдерживая смех. Ну этот – точно не из спецназа же?

Гражданский.

Белая футболка, темные брюки. Точно гражданский, никакого спецназа. Лучшая подруга может спать спокойно.

Ладно, по ходу вино надо было и в самом деле оставить нечисти. Как изначально и планировала Лия.

– Вот черт, – легонько быю себя по лбу и зажмуриваюсь, осознавая всю дичь момента.

Свечи!

Мы в такой панике неслись с Лией с пляжа, что забыли загасить свечи в ветровых колбах. Они еще горят. Волшеб-

ство продолжается? Да ну. Не верю я. Просто, чтоб Лию не расстраивать. Она и так вся на нервах из-за своего Марса.

– Спать, – бормочу себе и снова ретируюсь в темноту.

Сворачиваюсь в клубочек на кушетке рядом с рабочим столом, накрываюсь с головой плюшевым пледом и моментально проваливаюсь в сон. Движок «Гелендвагена» снова взрывается рыком, по ходу ночной визитер еще и очень беспокойный.

Спать точно не даст.

Уже уплывая в сонное марево, шепчу себе под нос.

– И в огонь, и в воду.

Глава 2. Романтику - лесом!

СОБОЛЬ

Кабинет генерала Белова привычно пахнет табаком и мореным дубом. Михалыч стоит у окна, спиной ко мне. Бросаю беглый взгляд на стену, скольжу по политической карте мира. Африка –ясное дело, заштрихована красным. Ближний Восток – серый.

Если вдуматься, своя логика в этом есть.

Белов затягивается и выдерживает долгую паузу. Разворачивается и лупит по мне раздраженным взглядом.

– Выкладывай свою версию, капитан.

Держусь прямо, но усталость снимает как рукой. Привычка уже. На двое суток снова экстренно зашвырнули в Мали, как будто полугодовой командировки мало было. А потом сутки спецбортом, и за три дня ни одной ночи чтоб нормально выспаться.

– Задача выполнена, товарищ генерал. Личный состав – без потерь.

Голос сбивается в наждак.

Белов слушает и сощуривается – жди разноса.

– Личный состав? – режет тихим и жестким голосом, – а чем ты думал, когда собственноручно снял бойцов с выполнения задачи?

Выпрямляюсь, глаза – поверх генеральских погон, в пу-

стую точку за плечом.

– Головой, товарищ генерал.

Влетит? Непременно. Отвечать за свои действия готов по полной программе, не в первый раз.

Белов багровеет от злобы, медленно гасит сигарету в пепельнице и не сводит с меня взгляда. Буря набирает обороты.

Сдерживается, Михалыч, чувствую это. И причину понимаем мы оба.

– Ты ведь понимаешь, что писанины у тебя – на километры, объясняться придется. Не со мной. И доказывать свою правоту. Самоуправство обосновывать. Нарушение приказов.

С усталым раздражением перечисляет все то, к чему я готов. Действовал в здравом уме, вполне осознавая риски и последствия. Просчитал, основываясь на собственных данных. Полагаться на информацию от разведки не стал.

Боевая чуйка и в этот раз сработала на все сто.

– Противник численно превосходил, и мы узнали об этом в последний момент. В ходе подготовки оперативно изменились данные о готовящейся засаде. Решение пришлось принимать быстро. Группу бойцов быстрее перехватили бы. Один – прошел.

И обдумав еще пару секунд добавляю, уже чуть тише.

– Бойцы – не расходный материал. Домой вернулись все.

Перед глазами – Мали. Палящий зной африканских саванн, солнце в зените. Кругом от гранат взрывается колю-

чий, выжженный суглинок. Каждый метр продвижения вперед – однозначно пойдут потери среди бойцов.

Выбора не было.

– Ладно, – усмехается Белов, – что думал стратегически – тут хвалю, молодец. По итогам удалось и задание выполнить, и без потерь обошлось.

На этом раздача пряников завершена.

– Ты ведь понимаешь, что сейчас у нас проблема куда серьезней? Совсем берега попутал, если герой? Чем думал, когда два месяца назад любовницу подполковника Маркина

Генерал на секунду гневно замолкает. Ищет слово поприличней. Не находит.

– Тоже головой думал?

– Никак нет, товарищ генерал. Выполнял боевую задачу.

От ярости Белов поперхивается воздухом и в два шага оказывается рядом.

– Ты мне тут еще поговори, давай. Развел тут военно–полевой бордель, так мало тебе было, еще и в драку с Маркиным ввязался. Сидит сейчас он в соседнем кабинете, строчит на тебя одну бумагу за другой, остановиться не может. Вон – генерал кивает на стопку листов на своем столе, – и все ко мне, прямиком.

Чеканю в ответ тихо и жестко.

– Прикрывал медсестру, товарищ генерал. Пока Тамара раненых на линии огня перевязывала. Маркин ее отправил вместе со штурмовиками. Надо было не вмешиваться? Не

прикрывать?

Не договариваю. Взгляд Белова прошивает свинцом.

– Вижу, как ты её прикрывал, – выдыхает устало, без надежды, – и чем. Устроили там брачные танцы, на весь полевой госпиталь.

Молчу.

Не маленький, оправдываться не стану. Да и не ждет от меня Белов никаких оправданий. Просто сошлось тогда в одной точке. Да и я сам – не монах. К чертям всю романтику. Тормоза срывало от адреналина, жажды жизни и больших выразительных глаз Томи.

Белов успокаивается и досадливо качает головой.

– Обещал твоему отцу, что сделаю и тебя человека. Слово ему дал. И что по факту?

Держусь, чтоб не сорваться. Субординация, никак нельзя. Понимаю, Белов сейчас не может иначе. Пряников мне точно не полагается, генералу есть за что злиться. Просто жду возможности высказаться, знаю – Михалыч ее предоставит. Хотя бы для того, чтоб иметь информацию с обеих сторон.

Белов, словно угадывает мои мысли и молча кивает, чтоб я продолжал.

– Маркина я и пальцем не тронул. Он был нетрезв, лез в драку, провоцировал. Пришлось осадить его. Допускаю, что действовал жестко. Но драки не было.

– Свидетелей – тоже, – досадливо бурчит Белов.

Задумываюсь.

Бар на берегу Нигера в ту ночь. Полно пьяных наёмников из дружественного контингента. Пьют за выживших, поминуют павших. Малийское, забродившее пшеничное пойло – рекой.

Местные официантки, полуголые, с подносами виски. Все делали вид, что поглощены своим алкоголем и сочными, женскими бёдрами. И никто ничего не видел. Или все сделали вид, что не видели. Обычное дело для тех мест.

Хотел же еще мотнуться ночью к тропику Рака, но занесла нелегкая в этот бар.

Два месяца прошло.

Маркин – сволочь злопамятная.

– Пока идет расследование, ты на месяц отстранен от службы. Явиться в управление по первому звонку, на связи круглосуточно.

Киваю.

И нутром чую, что генерал еще не закончил. Слишком быстро успокоился. Так, будто и не особо ждал от меня объяснений. Догадываюсь, что Михалычу эта ситуация и самому – как кость поперек горла.

На подполковника у него давно зуб.

Да и мне, если строго по фактам, предъявить особо нечего.

Кроме снятых майорских звезд.

Ладно, жить можно. Плечо уже почти зажило, пулю вынули удачно. Другие «сувениры» из Мали привозят редко.

– То, что за Тамару полез под обстрел – знаю. Другого от тебя и не ожидал. Маркину чуть позже спесь подкрутим. Но сейчас у нас иная напасть. Чертовщина творится, особенно в последние два месяца, – нехотя переключается Белов и тут же замолкает.

Чувствую – недоговаривает. Что-то повисает в воздухе, что-то тяжёлое, неуютное. Интуиция явно барахлит, но не подводит.

– Савина помнишь?

Напрягаюсь. Был такой. Ушёл из системы лет восемь назад. Теперь успешный бизнесмен, кто за ним стоит – неясно, но взлетел быстро, есть публичные проекты. Вроде бы держится на плаву.

– Помню, товарищ генерал.

Белов хмурится.

– Недавно связывался. Говорит, проблемы, – генерал затягивается, выпускает дым в потолок, – кто-то копает под него. Свой. Совсем рядом. Просил лично выделить толкового спеца. Понимаешь сам, неофициально. Чтоб разобрался, помог определить источник утечки.

Так бы и сразу.

– Понял, товарищ генерал.

Михалыч усмехается.

– Твое чутье там и пригодится. После Мали – Савин лично настаивал на твоей кандидатуре.

Значит, работаю в частном порядке. Не есть гуд, но иных

вариантов нет. Подполковник в соседнем кабинете уже которую стопку бумаги изводит по мою душу.

– Полную картину можно, товарищ генерал?

Белов с шумом выдыхает, взгляда не отводит.

– Полную картину ты мне и доложишь, капитан. Детально.

Задавать вопросы бесполезно. Михалыч сказал все, что сейчас требовалось. С остальным буду разбираться уже по ходу пьесы.

– Езжай к Савину прямо сейчас, – продолжает Белов, – он ждёт. Волонтёрский центр. Дельфинов там, кажется, спасают или изучают. Заодно и это выясни. Савин там в совете спонсоров.

Дельфинов, значит, спасают

– Разрешите идти, товарищ генерал?

Белов устало кивает и усмехается.

– Только хотя бы там обойдись без полевого борделя. Женишься тебе, Соболев, надо срочно. В воспитательных целях, – ухмыляется генерал.

– Так точно, – отчеканиваю и покидаю кабинет.

Михалыч плохого не посоветует, но прямо сейчас от меня явно не ждут выполнения этой задачи. Отношений не ищу. Однажды пробовал – больше не ищу тепла там, где его нет.

Романтику – лесом!

Выхожу на подземную парковку. В лицо свежим потоком ударяет ночная сырость, солёный ветер с моря. Приморский мегаполис дышит теплом и ночной свободой.

Но сейчас для меня есть только одно желание – быстро мотнуться к Савину, собрать информацию. А потом – рвануть на дикий, безлюдный пляж. Знаю я там одно местечко. Как раз за волонтерским лагерем.

Скинуть одежду, нырнуть в живительную прохладу ночного прибоя. Пропитаться морем. Смыть с себя пыль африканских саванн и проклятый запах пороха.

Мой «Гелендваген» в торце парковки, у колонны. Делаю шаг и понимаю, что – не один.

Марс уже выбирается из своей машины, мрачно ухмыляясь

Быстро определяю причину – мелкая зеленоглазая заноза с шальным взглядом. И целым ворохом проблем.

– Опять у тебя с Лией непонятки?

Марс только пожимает плечами. Лезет в карман за сигаретами. Замечаю, костяшки у него сбиты в кровь. Ссадины свежие.

– Помощь нужна? – спрашиваю спокойно, без нажима.

Марс прикуривает. Долго тянет с ответом и смотрит куда-то в сторону.

– Разберусь.

– Слушай, – говорю, переключая на другое, – на выходных махнём ко мне на дачу. Костер, гитары, шашлыки. Банька там, сам знаешь. Травы, парилка – заново родишься. И Лию прихвати. Устройте там романтику.

Друг усмехается, слишком поспешно и жестко.

– К чёрту романтику.

Голос глухой, жесткий. Но по ходу, если сейчас не поговорит с Лией нормально, потом будет хуже. Ладно, мне лезть на линию огня – не впервой. Знаю, чем его зацепить.

– Если ты Лии не напишешь, значит я позвоню.

Артем мгновенно прищуривается, ведет плечами – готов сорваться. Цель достигнута, злость помогает мыслить трезво. В шутку уворачиваюсь, открываю дверь «Гелендвагена», прыгаю внутрь.

– Сам все решу, – ворчливо улыбается Марс.

Дело сдвинулось. Главное, подтолкнуть этих двоих – пусть нормально объяснятся. И пускай хотя бы у них все получится по-человечески.

Не надо брать с меня пример.

Завожу движок.

«Гелендваген» взрывается тяжёлым, нетерпеливым рыком. Выезжаю на центральный проспект, выставляя маршрут в навигаторе.

Усталость снимает, как отшептало.

Пьянящая и шальная свобода врывается свежим ветром сквозь опущенное до упора боковое стекло. Всего час – и я у Савина.

Первично оценить обстановку и до утра свободен.

Потом рвану на пляж. Ночной, дикий, безлюдный. В воду, в морской прибой с головой. Смыть с себя колючую малийскую пыль, душный бар, выжженный суглинок, дыхание

саванны.

Только тишина. Только море.

И никакого борделя.

Романтику – лесом!

Глава 3. Ночной охотник

АЛЯ

Сон накатывает бесшумно, как тёплая волна. Проваливаясь в него сразу, без сопротивления – слишком много впечатлений от ночного ритуала с Лией. И еще этот незнакомец, который приехал к Савину.

И там, во сне, он есть.

Тот мужчина из чёрного внедорожника. Не вижу его лица, но уверена – он рядом. Чувствую его присутствие, его дыхание, его тепло. Мне спокойно. Море шумит за тонкой стеной дежурки – ровно, убаюкивающе, будто дышит вместе со мной.

Его губы.

Чувствую их сквозь сон. Горячие, запретные, чуть солёные – наверное, от морской воды. Они касаются моих губ, и я замираю, не дыша.

Тело запоминает ощущение, которого у меня никогда не было.

За стеной – море. Оно дышит, как будто ждет.

Резко просыпаюсь.

Сердце колотится где-то в горле. Щёки заливают жаром. Открываю глаза и смотрю в темноту строп под деревянным потолком, пытаюсь понять – это был сон или явь?

Но за стенкой только ночное море шумит. И лёгкая виб-

рация телефона на тумбочке.

Протягиваю руку, щурясь от слепящего света экрана. Инстинктивно отдергиваюсь от телефона и в панике застываю.

Сообщение от Рашидова.

«Я знаю, где ты, Альбина. Не заставляй меня ждать».

Пальцы невпопад тыкают в экран, пытаюсь свернуть сообщение, но Рашидов сейчас в онлайн.

Меня колотит нервная трясучка. Тишина в домике становится липкой и душной. Мне больше некуда бежать. Первая мысль – юркнуть в домик к Лии, просто пожаловаться ей. Но не хочу будить подругу. Да и чем она мне поможет?

Прекрасный, волшебный вечер просто зачеркнуло одно сообщение. Смыло всю магию и мою надежду на чудо. Грустно гляжу на огрызок яблока, который притащила с пляжа.

И вспоминаю, что оставила там ветровые колбы со свечами, когда мы наперегонки неслись к своим домикам. Надо забрать, чтоб утром не было разговоров. Не хватало, чтоб нас еще на смех подняли в лагере.

Две дуры, сидели на пляже со свечами

Стираю сообщение. Просто нажимаю «удалить», не глядя, не перечитывая, чтобы не видеть этих букв на экране. К черту Рашидова, эта ночь все еще моя. Телефон сую в карман джинсов.

Тихо, почти не дыша, выбираюсь из домика. Босиком. Галька холодит ступни, но я не чувствую холода. Просто хочу – отчаянно, всей душой – чтобы эта ночь ещё не кончи-

лась. Чтобы магия, в которую я абсолютно не верю, всё-таки случилась.

Иду к морю. Воздух влажный, тяжелый, пропитан уходящей водой. Цикады замолкли, будто тоже ждут. Особая, предрассветная морская тишина. И меня в ней совершенно неслышно.

На горизонте уже брезжит розовая полоска. Скоро рассвет. Совсем скоро чары рассеются, придет новый день. И мне придется думать, как выкручиваться дальше.

Выбираюсь на пляж и замираю.

Из воды выходит мужчина.

Мокрый, сильный. Заглядываюсь на его мускулистые плечи, и завороженно слежу, как вода стекает по его коже, по рельефу мышц. Рассветные лучи скользят по идеальным кубикам пресса.

Он поднимает голову. И я понимаю – я его уже видела. Того самого, которого загадала. Стоящего у внедорожника, в белой футболке. И во сне тоже был он.

Замечаю машину слишком поздно. Мощный черный «Гелендваген» – стоит чуть поодаль, рядом с заросшей тропой, уводящей в лесную посадку. Не видела его, когда подходила.

Мужчина смотрит на меня. Медленно. Изучающе.

Мне мерещится в предрассветных сумерках или на его губах мелькает усмешка? Внутри меня бушуют странные, волнующие ощущения. Меня поймали с поличным, но почему-то я не хочу прятаться.

Срываюсь с места. Бегу, спотыкаясь, не разбирая дороги, сжимая в руках пустые ладони. Да и чёрт с ними, со свечами. Мне нужно исчезнуть. Быстро.

Но я знаю, что он заметил.

И он видел мой взгляд.

Едва не сбиваю сонную Лию, лениво выдвинувшуюся из своего домика.

– Алька, фух, напугала? Я уже думала – воры шастают. Мало ли.

Лихорадочно подбираю слова. Сказать ей или нет? Правду – можно, но лишь частично.

– Я за свечами шла, мы ж там их в колбах оставили, когда убегали.

Лия на миг задумывается, сощуриваясь.

– Да, надо забрать. Магия – дело такое, лучше никому не знать. Иначе не сбудется.

– Только там, – запинаюсь, – там уже кто-то незнакомый.

Ага, так я и признаюсь ей, что случайно подсматривала за совершенно обалденным незнакомцем, в одних плавках. На миг проваливаюсь в горячие фантазии. Вот что надо было загадывать, когда мы на пляже с ней пили вино.

Нет, таким точно не готова поделиться даже с лучшей подругой.

– В смысле? – хмурится Лия, – незнакомый? Ладно, пошли разбираться. Потом же Савин с нас и спросит. Нечего тут всяким шнырять по территории. У нас же тут оборудо-

вание.

Реакция Лии отрезвляет. Какой бы волшебной ни была ночь, наступает утро. А в реальности надо как-то и свечи забрать по-тихому, и четко намекнуть незнакомцу, что это служебная территория, а не дикий пляж.

Иду за Лией, чувствуя, как влажная галька холодит ступни, и как внутри всё играет от непонятого предвкушения.

Он стоит у «Гелендвагена», опираясь плечом на открытую дверь. Спортивные брюки сидят низко на бёдрах – влажные, облегающие. Торс голый, вода ещё не высохла до конца, на коже блестят капли, стекающие дорожками по рельефу мышц. Футболка небрежно скручена и наброшена на плечи, как спортивное полотенце.

Мужчина явно не торопится одеваться.

Замираю.

Взгляд сам скользит по его груди, по прессу, по косым мышцам, уходящим за пояс брюк. Сердце пропускает сразу серию ударов и взрывается тахикардией.

Не смотри. Не смей глазеть на него.

Резко моргаю и одёргиваю себя, заставляя отвести глаза. Но взгляд непослушно уплывает к да черт, наваждение какое-то. Щёки горят огнём.

Лия идёт вперёд, не сбавляя шага, и я слышу её голос – удивлённый, колкий, уверенный.

– Соболев?

Незнакомец медленно поворачивается, и на его губах по-

является ленивая усмешка – как у кота, которого разбудили, но он не против.

– Ли, – голос низкий и хриплый, будоражит во мне что-то непривычное, – утренняя пробежка?

Лия заносчиво фыркает и вскидывает голову. А я смотрю на них и чувствую, как внутри разрастается что-то болючее и острое. Не хочу даже думать. И это не ревность, с чего бы вдруг мне ревновать?

Но откуда Лия его знает? Почему она говорит с ним так свободно, так запросто.

Соболь переводит взгляд на меня. Задерживается на секунду дольше, чем на Лии. Смотрит в упор, изучающе, чуть прищурившись. Жар снова заливает щёки. Чувствую себя раненым дельфинчиком, выброшенным на берег. Не могу дышать.

Спасите пожалуйста.

– Влад, у нас здесь режимный объект, – не унимается Лия, – а ты решил устроить ночной заплыв? Может, ещё и дельфинов нам пересчитаешь? Что забыл на нашей территории?

Безошибочно улавливаю колкие, злые нотки в голове Лии. Интересно, с чего бы вдруг-то? И черт подери, откуда они знакомы? Что их связывает.

– Воду, – коротко отвечает он, и в хриплом голосе снова проскальзывает усмешка.

Соболь смотрит прямо на меня.

– Тут опасные ночные течения – невпопад сиплю встав-

ляю, от волнения почти шепотом.

Отчаянно хочу казаться уверенной, взрослой и раскованной. И не пойманной врасплох. Он ведь не заметил, как я смотрела на него, когда он выходил из воды. Глупое сердце колотится, как пойманная птичка. Одним махом раскрывает все мои ощущения.

– Стоит рискнуть, – мгновенно парирует Соболев, не сводя с меня проникающего, задумчивого взгляда.

Лия негромко покашливает, напоминая о своем присутствии.

– Ты бы ещё форму надел, – бурчит Лия, окидывая его голый торс неодобрительным взглядом, – чего Алё смущаешь?

Соболев усмехается, лениво, как сытый кот, и снова переводит взгляд с Лии на меня. На долю секунды задерживается на моих губах. Сглатываю сухой воздух, чувствую себя как-то тепло и непонятно. Но мне спокойно и хорошо.

Как в ночном сне.

– Ли, хватит уже игнорить Марса.

Моментально от сердца откатывается назад жгучая волна ревности. Значит, Соболев – друг Марса, а не тайный поклонник моей подруги. Сжимаю губы, чтоб не выдать дурацкой, откровенно довольной улыбки.

В этот момент в руке Лии разрывается телефон. Она бросает на него взгляд и хмурится. На экране высвечивается имя «Марс».

Лия сбрасывает вызов и прячет телефон в карман.

– Поговори с ним, – предлагает ей Соболев и с лица мгновенно слетает нахальная ухмылка.

Что-то буркнув, Лия убегает к домикам и я слышу как она дважды сбрасывает дозвон Марса. Не знаю почему, но мне тоже хочется, чтоб Лия с ним поговорила.

Соболев не отводит поглощающего взгляда и мне отчаянно хочется придумать причину, чтоб остаться. Но в голову лезут какие-то глупости.

– Напугал?

Голос низкий, с хрипотцой. Пропитан откровенным интересом.

Догадываюсь, что это он о моем бегстве.

Как будто он уже знает ответ, но хочет услышать, как я совру.

– Я ничего не видела, – выдыхаю я и тут же понимаю, что провалилась.

Соболев ухмыляется. Медленно, лениво, как сытый хищник, который наконец-то настиг добычу. В глазах – разгоряченный, откровенный блеск.

– Ничего? – переспрашивает он, и голос его становится чуть ниже, почти шёпотом, – тогда откуда знаешь, что я вышел из воды?

Воздух вылетает из легких, меня поймали с поличным. Он все видел.

– Я за свечами вышла, – бормочу под нос, – вон они, мы

забыли из вечером.

Со стороны лабораторного корпуса доносится звук – резкий, металлический. Что-то упало. Или кто-то закрыл дверь.

Соболь мгновенно бросает взгляд в сторону звука. Тело мгновенно меняется с точной выправкой, которая бывает только у военных. Ни единого лишнего движения. Как будто, сканирует периметр.

– По ночам тут лучше не гулять одной. Мало ли, чья здесь охотничья тропа.

Накатывает паника. Что он имеет ввиду? Как будто мне угроз Рашидова не хватает, так еще и здесь небезопасно? Закрытая ведь территория, охрана и шлагбаум. Хотя, он ведь как-то проехал.

– А если я все-таки окажусь тут одна, – вылетает из меня почти против воли.

Соболь снова переводит взгляд на меня. И я не могу прочитать то, что сейчас кроется в стальных омутax.

– Лучше, – голос снова вибрирует низкой хрипотцой, – если я буду рядом.

Вдалеке хлопает дверь машины. Догадываюсь, что это Савин уезжает. Интересно, что у него за дела с Соболем, да еще и ночью? Сердце на миг замирает в привычной панике, мозг шарашит предчувствием чего-то приближающегося.

Ночная охота. Вот только – кто добыча?

Отвожу глаза. Первая. Не выдерживаю. Смотрю на колбы со свечами, которые так и лежат на гальке, и хватаюсь за них,

как за спасательный круг. Мне нужно сделать хоть что-то, чтобы не чувствовать его взгляд на своей коже.

– Мне надо вернуться, – бормочу, поднимая одну колбу, вторую, – Лия там одна, а у нас пока еще дежурство не закончилось

Делаю шаг назад. Галька под ногой – влажная и скользкая от прохладной, предрассветной росы. Теряю равновесие – на секунду, на мгновение, до того, как земля уходит из-под ног.

А потом – его руки.

Соболь подхватывает меня раньше, чем я успеваю понять, что падаю. Горячие ладони смыкаются на моей талии, притягивают к себе. Чувствую его тело – твёрдое, жаркое, еще влажное от морской воды. Запах соли, чего-то мужского и ночного моря – заполняет мои легкие, забивается в кровь.

– Осторожно, – голос его звучит где-то у моего виска, низкий, с хрипотцой.

Его дыхание на моей коже, горячее и прерывистое.

Неловкая, неправильная секунда – и майка предательски сползает с моего плеча. Оголяет кожу там, где вчерашняя хватка Рашидова оставила тёмный, багровый след от пальцев.

Соболь не отводит взгляда.

Выпускает меня.

Иного и не ожидала. Девочка–неликвид с ворохом проблем.

– Я случайно зацепилась об дверной косяк, – сипло шепчу

и от стыда готова провалиться сквозь землю.

Мне страшно. И слишком одиноко. Душит отчаяние и трезвое понимание того, что никто в здравом уме не захочет связываться с такой проблемной девушкой. Да и помочь мне не сможет никто.

Тишина. И только море дышит рассветом. Да где-то вдалеке чайки подают редкие и еще сонные голоса.

А потом я чувствую его ладонь на своей талии. Медленно, почти невесомо, она скользит по ткани джинсов к заднему карману. Замираю. Его ладонь – горячая, даже через плотную ткань. Касается моего бедра, чуть задерживается, и я слышу, как моё дыхание сбивается.

Соболь не отводит темного взгляда.

Вытаскивает мой телефон, берёт меня за руку – мои пальцы дрожат, но он не обращает внимания – и прикладывает мой указательный палец к экрану. Разблокирует. Ошалело пытаюсь понять, что сейчас происходит.

С моим телефоном. Со мной

Молча вбивает свой номер в мою адресную книгу и делает звонок. В машине раздаётся глухой рингтон его смартфона.

Снова – глаза в глаза. Смотрит на меня, не отводит взгляд.
– Если тот, кто это сделал, ещё хоть раз просто попытается приблизиться к тебе – сразу набирай меня. Не теряй времени.

Возвращает телефон.

Читаю в адресной книге его имя.

Влад Соболев.

Где-то над лесом, со стороны лабораторного корпуса – нарастающий, тяжёлый рокот. Вертолёт. Знаю этот звук с детства, но сейчас все слишком резко поменялось.

Соболь переводит взгляд вверх, туда, где за макушками кленов угадывается крыша лабораторного корпуса и вертолётная площадка. Смотрит недолго. И снова – на меня.

– Аля, уходи в домик. Я найду тебя.

Разворачиваюсь и бегу, даже не попрощавшись. Галька под ногами – острая, холодная, я чувствую её босыми ступнями, но не останавливаюсь.

Влетаю на дощатую террасу маленькой дежурки и только уже у двери, на мгновение замираю. Оборачиваюсь.

Соболь опирается плечом на открытую дверцу «Гелендвагена». Футболка уже на нём – та самая, белая, что я запомнила той ночью. Значит, надел её мгновенно, пока я бежала.

Не знаю, чья тут еще охотничья тропа, но одного ночного охотника я точно повстречала.

Перед тем, как скрыться за дверью, стараюсь запомнить его таким. Хищно–уверенным, нереально красивым. Его руки, подхватившие меня и не давшие упасть горячие ладони на моей талии. И тот момент, когда он вытаскивал телефон из моего кармана.

Он прикасался ко мне, и я Зажмуриваюсь и резко распахиваю глаза, прочь отгоняя сладостное и капельку стыдное наваждение.

Соболь смотрит вверх.

Глава 4. Моя добыча

АЛЯ

Вертолет. Несложно прикинуть один к одному, чтоб понять, кто именно сейчас прилетел на этом вертолете.

Тимур Рашидов. На вертушке, которую ему подарил моей отец незадолго до того несчастного случая на злополучной охоте. Или что там на самом деле случилось

Боюсь дышать слишком громко, хотя понимаю – затаиться не получится. Рашидов четко дал понять в ночном сообщении, что его терпение на исходе. И он идет за мной. Ну вот, пришел. Вернее, прилетел.

Осторожно подкрадываюсь к окну и гляжу на Соболя. Не пойму его реакций, смотрит на вертушку. Затем впрыгивает в свой «Гелик», резко стартует и мчится к лабораторному корпусу. Так, что-то я уже совсем запуталась. И явно упускаю что-то важное

Что он имел ввиду, когда говорил об охотничьей тропе и об опасностях? И кто он вообще такой? Ну кроме того, что служит в спецназе вместе с Марсом, и по рассказам Лии – его близкий друг.

Пытаюсь собрать мысли в кучу, но получается паршиво. Рашидов уже здесь. Сколько времени до того момента, как он войдет в мою дежурку? Пять минут, тридцать, сорок?

Сколько бы ни было, ничего они не решат. Как и мой по-

бег. С такими ресурсами, он влегкую вычислит меня. Через день, неделю или месяц. А может и через год, который я проведу в страхе и однажды расслаблюсь, потеряю бдительность

– Аля, – влетает в дежурку мой ураганчик и начинает быстро складывать мои вещи в сумку, – живо собирайся, мы уезжаем.

Вздрагиваю и вместо быстрого сбора, ошалело таращусь на подругу.

Либо я просто сплю, либо я проснулась, но – в дурдоме.

– Ли, стой. Куда? У нас смена.

Лия не слышит, забрасывает мой ноутбук в рюкзак и деловито оглядывается.

– Так, зарядка где? Аль, не стой как вкопанная, времени мало. Марс уже ждет.

– Кто? В смысле? Кого ждет?

– Нас, – сердито шипит Лия, – срочно выдвигаемся. Я сама знаю не больше твоего, но с ним лучше не спорить. Он уже ждет, давай быстро.

Ничего не понимаю, но чувствую, что это как-то связано с прилетом Рашидова и странным почти приказом Соболя скрыться в домике. Марс – его друг это же может быть связано?

– Аль, не тяни время. Марс просто так суету наводить не будет. Он четко сказал, забрать тебя. Фактически, он за тобой приехал. Я ничего сама не понимаю, но вопросы задавать бесполезно. Если им надо, они всегда уходят от нужно-

го ответа.

Отмечаю, как Лия сказала «они».

Значит, Соболев в теме. И к панике сейчас примешивается что-то странное непривычно приятное. И впервые за очень долгое время мне хочется ощутить, каково это – не бояться.

Но я боюсь.

И схватив сумку, вылетаю вслед за Лией. Едва успеваю дрожащими руками нацепить навесной замок на дверь дежурки.

– Нет, – хватая меня за руку Лия, разворачивая в сторону посадки – Марс ждет возле запасного выезда. Там сейчас нет охраны. Нам туда.

Замираю перед густым подлеском. Н-не-е-т, мне нельзя в лес. Однажды уже завезли и потом я помню, как выбиралась. Нельзя.

– Аля, – шипит Лия, – бегом. Марс ждет там, не у центральных ворот.

Заглотив побольше воздуха, словно перед прыжком в ледяную воду, я скрываюсь вместе с Лией в кустах. Ветер шуршит папоротниковой листвой, я напряженно вслушиваюсь в каждый шорох. И глохну от шумного топота. Нас точно услышат.

Тропинка есть, ведет прямо к техническому выезду – ворота видно. Но почему там? На ходу прикидываю разные варианты, и все они упираются в приезд Рашидова и в действия Соболева.

Вот в это отчаянно хочется верить. Даже больше, чем в купальскую магию. Хочу верить в то, что и мне полагается маленький кусочек счастья. Просто так – не заслужить, а получить.

Толкаем небольшую калитку из панцирной сетки. *Ч-чёрт, как же скрипит.* Палимся и даже не скрываем.

Первой добегаю до внедорожника Марса и залетаю на заднее сиденье. Лия врзаясь мне в спину, наваливается на меня и кубарем влетает в салон.

Внедорожник резко стартует и развернувшись в пыли грунтовой дороги, быстро уходит в сторону перевала. Со всем не туда, где выезд в город.

Зыркаю на Лию. Притихла и молча покусывает губы, но вопросов не задает. А вот это уже пугает. Но еще больше становится не по себе, когда в зеркале заднего вида я ловлю взгляд Марса.

Едва заметным движением глаз, он словно запрещает Лии задавать вопросы. Быстро гляжу на нее и она кивает. Мне не показалось, между ними диалог. Который я точно не должна понять. И уже не шестым, а всеми доступными мне чувствами, я четко ощущаю – вся эта срочная эвакуация связана только со мной.

И приездом Рашидова.

Нервно вцепляюсь пальцами в рюкзак с ноутбуком и пледом. Тонкая брезентовая ткань сейчас – мое заземление. Улыбаюсь, вспоминая, как Лия в панике бросала в рюкзак

мои вещи, на ходу сворачивая плед.

– Это Соболев, да? – несмотря на панику, мой голос сейчас даже звучит уверенней, чем я ожидала.

Молчаливая ухмылка в зеркале заднего вида.

Вот и ответ.

Устраивает. Более чем.

Снова бросаю взгляд на Лию. Хмурится, молчит и грустно отворачивается к боковому стеклу. Марс замечает ее маневр и в глазах мелькает что-то жесткое, нечитаемое. Что между ними происходит вообще. Она готова слушать его с полуслова, но не разговаривает с ним.

Да и он

Ладно, разузнаю по приезду. Кстати

– А куда мы едем?

– К Лии, – коротко бросает Марс, напряженно вглядываясь в зеркало заднего вида. Так, словно ждет хвоста.

Ясно, что ничего не ясно. Кроме того, что за этим стоит Соболев.

Смотрю на свое отражение в стекле – и тут же отворачиваюсь. Слишком откровенная и довольная улыбка всё ещё на губах, и я боюсь, что Марс заметит. Он и так подмечает больше, чем нужно. Отчаянно пытаюсь выбросить из головы нахальный блеск серых глаз Влада Соболева.

И не могу.

Не хочу.

Добираемся до города объездным путем, въезжаем в за-

пруженный авто и вечно скованный пробками, центральный район.

Выходим из машины и Марс так же быстро стартует, срываясь в места. Даже не попрощавшись с Лией. Явно ведь в ссоре. Но тем более пугающей выглядит ситуация. Если даже несмотря на такую размолвку, моя подруга готова безоговорочно слушать своего мужчину.

Интересно, что они оба сейчас от меня скрывают.

Почему-то становится капельку спокойней, как только за нами захлопывается входная дверь. Лия идет на кухню и сразу включает кофемашину.

– Ну вот, – озадаченно бросает подруга, – ты там что-то говорила про «тридцать три богатыря»? Это хорошо, что твой Соболь не поднял на уши всю группу. А то б с утра пораньше маски-шоу штурмовали дельфинарий Савина.

– Чего это – сразу мой Соболь

Щеки заливает краской, но приятно, черт возьми. Хотя никакой он не мой. Но в ушах все еще сладко отдается фраза про «моего».

Лия с деловым видом инспектирует холодильник и достает сыр, ветчину и зелень. Следом на кухонном столе появляется упаковка тостерного хлеба.

– Горячий кофе и горячие бутерброды – лучшее средство, чтоб быстренько протереть глаза, – с преувеличенной бодростью объявляет Лия и тихонько добавляет, – если горячие мужики нашли себе очередную горячую точку.

Помогаю Ли нарезать ветчину и красиво разложить зелень сверху сырных ломтиков. И ловлю себя на мысли, что мне интересно что бы я приготовила Соболю на завтрак.

– Ай, – резко отдергиваю палец и тащу его в рот, зализывая ранку.

Замечталась и тут же получила ответку. Мечты вообще созданы только для того, чтоб сбивать с толку.

– Так, теперь не отвертись, рассказывай, – заговорщицки требует Лия, отправляя бутерброды в гриль, – что у вас там с Сободем приключилось за это время?

– Да ничего, просто поговорили ни о чем

– Ага, – весело подхватывает Лия, – а спустя час он развешивает спасательную операцию, стоит только твоему Рашидову приземлиться на крыше савинского центра? Думаешь, я поверю? Алька, я ж тебя как облупленную знаю.

– Вот тогда и поймешь, что ничего не было.

Ли фыркает и не мигая, впивается в меня насмешливым взглядом.

– Та-а-ак, значит все еще серьезней чем я думала? Ну ты хотя бы себе уже не ври, у тебя ж на лице все написано. Влюблена по уши.

– Ничего не влюблена, – смущенно бормочу я, – и вообще, бутерброды сейчас подгорят.

Ли не отрывает от меня сомневающегося взгляда и переключает гриль на умеренный режим прогрева. Больше не задает вопросов. Но мне надо, прямо жизненно необходимо

поделиться с ней. Иначе, я сойду с ума.

– Я не знаю, что это, – говорю тихо, почти шёпотом, – просто смотрю на него и не могу себя понять. Я ведь не знаю его. Совсем. Это ведь глупо?

Ли молча пожимает плечами, но не пытается отшутиться или снова закидывать меня вопросами. В целом, диагноз ясен. Острая влюбленность. Надеюсь, не перерастет в хроническую форму.

– Что ты о нем знаешь, может Марс рассказывал?

Подруга усмехается так, словно ждала моего вопроса. Ну и в целом, конечно глупо отпираться. Соболь мне очень понравился. Так не должно быть, это же неправильно и так сладко.

– Так, что-то рассказывал У Соболя чутье легендарное, характер скверный, но боевой опыт все перевешивает. Разведка, сама понимаешь Только что из Африки, не знаю откуда Но недавно получил ранение. Сейчас в звании капитана, недавно получил майора, но за что-то снова сняли.

Жадно впитываю информацию.

– Опять о нем замечталась?

– Перестань

– Ладно-ладно, не смущайся. Ответу на главный твой вопрос, пока ты не лопнешь от любопытства. Не женат.

– А я и не спрашивала.

– Ну да. И не краснела.

Новость обнадеживающая.

– Не женат. Но мы это поправим, – воодушевленно продолжает Лия, – главное, путь свободен.

Одновременно позвякивает кофеварка и гриль. Ароматный кофе льется в две кружки, пока мы вытаскиваем румяные и сочные бутерброды из гриля. И только вгрызаясь в большущий бутер, осознаю насколько зверски я голодна.

И дико слипаются глаза, хочется спать. Я ведь спала всего несколько часов. Неудивительно.

– Аль, что у тебя с Рашидовым? Почему Савину все не расскажешь? Ну хоть сейчас-то объяснить можешь?

Ли, как всегда, наступает без объявления войны.

Вот только знала бы я, что сейчас ответить подруге? И как объяснить, что в свои девятнадцать, я до чертей устала ловить осколки чужих гранат.

– Я не верю в то, что мой отец погиб на охоте в результате несчастного случая.

Признание вырывается помимо моей воли. Хочу верить, что в отличие от Савина, моя подруга не посчитает все это наивными домыслами. Впрочем, не хочу грешить на Савина. Он и так делает для меня все, что может.

– То есть – осторожно интересуется Ли.

Собираюсь мыслями. Самой бы еще понять, что не так. Но что-то упрямо не дает мне покоя во всей этой истории.

– Ли, можешь считать это профессиональной деформацией, еще до получения диплома. Но я уверена, что гибель отца подстроили. И за ней стоит Рашидов. Ну или его люди.

Слишком много совпадений и слишком удобно все сложилось.

Подруга распахивает глаза и откладывает надкусанный бутерброд. Пододвигает ко мне одну из кружек с кофе.

– Поясни.

– А нечего пока пояснять. Савин знает о моих подозрениях, все–таки знает меня с пеленок, друг семьи. Служили вместе с отцом, давно еще. Он тоже считает, что я накрутила себя. Но хотя бы не отрицает мое право докопаться до правды. Поэтому и помогает.

Лия молчит. Потом тихо, осторожно добавляет.

– А ты сама веришь в то, что это – просто профессиональный интерес?

– Не знаю, чувствую что здесь явно неладно, но пока доказать не могу. Савин не верит, но он подключил все связи и я могу работать в архиве со всеми документами по его делу. Сама понимаешь, чего ему это стоило. Он считает, что мне это только на пользу в будущем. Если я не передумаю и дальше заниматься судебной лингвистикой.

Лия невесело усмехается.

– Так. И что ты ищешь в тех документах?

Неуверенно пожимаю плечами.

– Да все, что угодно. Любое несоответствие. Маркеры лжи в письменной форме. Если обман есть, он вскрыется.

Лия молча хмурится, но вопросов больше не задает. Только придвигает мне очередной румяный бутерброд, с сочной

сырной корочкой.

Надкусываю его и понимаю, что засну прямо сейчас. Вот прямо на кухне, за обеденным столом.

– Ли, а можно у тебя поспать пару часиков. Глаза слипаются, я до дома не доеду, усну в автобусе.

Лия сонно кивает и сама явно готова уснуть, хотя проспала большую часть ночного дежурства.

– Да хоть живи тут, я только рада буду.

На миг задумываюсь.

– Нет, – улыбаюсь, – мне только поспать пару часиков. И надо ехать в архив. Савин переслал вчера скан пропуска. И номера дел. Сама понимаешь, нельзя упустить возможность.

Ли помогает мне разложить маленький угловой диванчик в гостинной и через десять минут я сворачиваюсь клубочком, укутанная с головой в плюшевый плед. Есть пара часов, чтоб выспаться.

Ташу с собой телефон и открываю мессенджер.

Отчего-то сейчас мне все равно, что там может быть сообщение от Рашидова.

Среди списка контактов я ищу Соболя.

И нахожу.

Соболь – офлайн. Беззвучно шевелю губами, повторяя его номер телефона. Зазубриваю и пытаюсь запомнить.

Дыхание перехватывает от того, что рядом со значком контакта загорается зеленый огонек и через пару секунд появляется фотография.

Добавил только что?

Сердце больно прыгает и описывает экстремальный кульбит и я боюсь поверить в то, что Соболев добавил фото только что, для меня. Конечно, это не так Но помечтать-то я могу?

Скачиваю его фото к себе в телефон. Затаив дыхание, рассматриваю и прячу в секретной папке с паролем, словно драгоценную и запретную добычу.

Мою добычу.

И совершенно убаюканно—счастливая, стремительно проваливаюсь в расслабляющее, сонное марево.

Сжимая в ладони телефон с его фотографией.

Глава 5. Разведка боем

СОБОЛЬ

Знакомый звук заставляет насторожиться. Вертушка на подлете, уже четко в нашем направлении и совсем близко – в паре километров. Дистанция стремительно сокращается. Идет на снижение, но как-то странно.

Сразу видно – пилот не из учебки. В Африке таких кри-воруких быстро отсеивали.

Или списывали "*двухсотыми*".

Мельком смотрю на Алю, девочка резко меняется, сжимается и затравленно покусывает нижнюю губу. Впивается взглядом в вертолет на горизонте, со стороны горного хребта.

Такой взгляд я видел много раз, в горячих точках. Жертвы насилия смотрят именно так, это не описать словами, но ошибиться нельзя.

И сейчас Аля смотрит в сторону звука именно таким, безжизненным взглядом. Инстинктивно хочется заслонить ее собой, закрыть.

Действовать быстро.

Разберемся уже потом.

– Аля, уходи в домик, – даю ей приказ, – я найду тебя.

Не дожидаясь повторной команды, Аля мчится в свой домик и останавливается только на веранде. Быстро натягиваю

футболку и решаю пока оставаться на позициях.

Интересное место.

Белов явно знает больше, чем сказал, отправляя меня сюда. Он не просто «просил выяснить». Генерал что-то знает – и не говорит, не открывает карт. Хочет сверить информацию. Ладно, не первый раз, когда мне приходится собирать факты по крупицам.

Савин – отдельная песня.

Слишком открытый, слишком приветливый для мужика с его боевым опытом. Улыбается, пожимает руку, но взгляд – цепкий, холодный, профессиональный. Он заговаривает мозги – мастерски, как учили на старших курсах. Видел такое сотню раз.

И сам так делал.

Ладно, прорвёмся.

Занавеска в окне Алиного домика колыхнется. Она там. Смотрит. Хотя я четко сказал уйти – она всё равно наблюдает. Девочка совсем не умеет прятаться.

Губы против воли плывут в улыбке. И кто же ты, моя маленькая шпионка?

Алина? Алёна? Алла? Может, Алевтина?

Делаю засечку в мыслях – сразу, как вернусь домой, надо прошерстить базы данных. Узнаю всё. Хотя есть вариант проще – спросить у Марса. Если Аля – подруга Лии, он должен знать. Или хотя бы знать, где искать.

Вертолет подлетает и я на миг забываю обо всем. Пялюсь

на этот цирк в небе и пытаюсь сообразить, что за мудака управляет вертушкой. Машину болтает в воздухе, из стороны в сторону. Резко рвет то вверх, то вниз.

Трусит, как алкаша в судорогах.

И там сейчас тот, кого боится моя Аля?

Моя? Да, моя Аля.

Занавеска в ее окне все так же тихонько шевелится. Ладно, с этой милой шпионкой разберемся позже. Сначала, глянуть на того мудака, который ее прессует.

На всякий случай срочно сбрасываю Марсу координаты волонтерской базы с просьбой забрать Алю и Лию. Пусть увозит, потом будем разбираться. Забрать девчонок как угодно, но не через главный вход.

Не хочется пока откровенно светиться.

Артем поймет, методы работы у нас примерно одинаковые.

Но задание Белова теперь становится еще интересней. Что скрывает генерал? Каким догадкам он хочет получить подтверждение?

Вертушка, рванув в сторону и болтнувшись в воздухе, грузно заваливается на площадку на крыше лабораторного корпуса. И следом в ворота въезжает машина Савина. Вернулся, значит.

Вопросы по вертолетной площадке тоже множатся. Зачем она здесь?

Устраивать дельфинам полеты над Черным морем?

Рывком распахиваю дверь, «Гелендваген» взрывается с полуоборота, и я вылетаю с гальки, даже не дав мотору прогреться. Останавливаюсь в тени дуба, глушу мотор, наблюдаю за крышей, где затихла вертушка.

Бестолочь, пилотировавшая ее, уже явно внутри здания.

Лабораторный корпус – стильная хайтек-игрушка на берегу моря. Солнечные панели на крыше, система климат-контроля, лабораторное оборудование последнего поколения – Савин не скупится.

Красивая картинка для грантов и отчётов.

Дельфины – легальное прикрытие. Как и весь «волонтерский центр» с примыкающим к нему, недавно купленным заброшенным лагерем. Огромная территория на первой береговой линии.

Слишком всё дорого, слишком технологично для простого благотворительного проекта. Здесь пахнет большими деньгами.

И Аля... она в этом всём не случайно. Та вертушка, что прилетела, её затравленный взгляд, следы от пальцев на плече – всё завязано в один узел. Девочка явно знает больше, чем говорит.

Или не может сказать.

Значит, придется понять, что за ниточка тянется от Савина к этой девочке.

Работаем, боец.

Пока не буду уверен, что Марс забрал Алю, уезжать отсю-

да рано.

Иду к главному входу, прикладываю спецпропуск к считывателю. Дверь открывается бесшумно, как в хорошем фильме. Внутри – стерильный коридор, пахнет озоном и чистящими средствами. Идеальный порядок. Слишком идеальный.

Нутром безошибочно чую подвох. Что-то здесь не так. Не понять сразу, где противник. Запах, звук, воздух – всё правильное, да только тишина – как перед боем.

Подхожу к кабинету Савина – дверь приоткрыта. Голоса. Один, глухой и уверенный – Савина, второй – низкий, с характерным азиатским акцентом. Память сразу взрывается иссушающим, пустынным зноем кызылкумских песков, палящим солнцем и вечной жаждой.

– Альбина у себя? Я к ней, – произносит боров, и голос у него масляный, вкрадчивый и жесткий.

Видал таких.

Эти не спрашивают. Берут, в безнаказанной убежденности, что все вокруг принадлежит только им.

Альбина. Значит, Аля.

Внутри всё закипает. Эта тварь собирается к ней, прямо сейчас, пока я здесь. Секунда – и я принимаю решение.

Разведка боем.

Лучшая тактика.

Делаю шаг в кабинет, не спрашивая разрешения.

– Следующий полет будет последним, – говорю ровно,

глядя на савинского гостя в упор.

Разворачиваю служебное удостоверение, ровно на несколько секунд – чтоб Боров успел вчитаться, кто перед ним. Заодно, хочу оценить, насколько тот борзый.

Тишина повисает в кабинете. Савин медленно переводит взгляд с меня на гостя. Восточный гость молчит, но его глаза сужаются, становятся щёлочками. Оценивает меня. Просчитывает.

Телефон в руке вибрирует. Короткое, сухое сообщение от Марса.

«Девочек забрал».

Отлично. Теперь руки развязаны. Можно действовать спокойней.

Боров вскакивает с кресла, но Савин его останавливает коротким, заземляющим жестом. А вот это уже интересно. Сейчас он больше не пытается играть добряка–филантропа.

– Спокойно, Тимур, – бросает команду бесцветным голосом и его гость нехотя останавливается, все еще не сводя с меня пристального взгляда, – это Влад Соболев и он головой отвечает за безопасность всего, что тут происходит. Неофициально.

Правила меняются, значит.

Уже *головой* отвечаю...

– Влад, – обращается ко мне Савин, – поясни. Это мой деловой партнер, Тимур Рашидов. И в моем кабинете не принято бросаться такими словами.

Пожимаю плечами. Отступить теперь нельзя.

– Кто управлял вертушкой?

Рашидов надменно вскидывает брови, презрительно кривит губы.

– Я. Есть проблемы, капитан?

У меня нет. А вот ты скоро узнаешь лично, что такое настоящие проблемы.

– Никаких проблем, кроме того, что небо для тебя – приговор, отсроченный на время. При таких навыках пилотирования добром не кончится.

Савин напрягается. Хмурится, но молчит. Но я успеваю мельком уловить едва заметную ухмылку. Интересное кино.

Как это использовать – разберемся по ходу пьесы.

– Объяснись, – одышливо цедит Рашидов.

Стараюсь держать нейтрально-равнодушный вид. Не для Рашидова, но скорее чтоб не спалиться перед Савиным. Он мне не нравится особенно.

– Скажи, что у тебя в летной книжке написано?

Рашидов напрягается. Савин, впрочем, тоже.

– Порядок у меня там, – огрызается боров.

Политкорректность к чертям. Интересно, как скоро этот разговор дойдет до генерала? Ладно, не в первый раз.

– Там – может и порядок, а вот навыки – в заднице.

Снова ухмылка Савина и острое бешенство в глазах Рашидова. Но пока тому не скомандовали «фас», цепная зверушка бесится молча. Рашидов открывает рот, но я не даю

ему вставить и слова.

– Здесь перепады давления, – продолжаю спокойно, будто читаю лекцию нерадивому курсанту, – горные хребты рядом, море – с другой стороны. Если машину бросит вниз на полсотни метров на такой высоте, ты не выйдешь из пике. Ты утонешь в море, Рашидов. Или моментально сгоришь в горах, если повезёт. Если не повезёт – будешь сидеть в кабине и ждать, пока она превратится в груды горящего металла. А когда винт срежет верхушки сосен – и ты даже не поймёшь, как выбраться из застрявшей машины. Опять же, если не успеешь разбиться. И мы даже еще не разбирали навыки десантирования.

Савин прячет ухмылку, но цепко следит за нашим диалогом.

Рашидов встаёт. Медленно, тяжело.

– Что ты хочешь сказать, капитан?

Нервничает. Интересно, насколько Савин готов подставиться ради этого борова?

– Если ты ещё раз поднимешь машину вне зависимости от погоды, – отвечаю, глядя ему в глаза, – без нормальной подготовки ты упадешь. Не сможешь удержать небо. И часть вопросов к моей работе отпадет сама собой.

Савин тихонько покашливает, нарушая тишину.

– Влад, Тимур – не просто мой деловой партнёр, он наш друг. Центр функционирует во многом благодаря его помощи. Думаю, вы просто не поняли друг друга.

Перевожу взгляд на Савина. Все ясно и можно не задерживаться. Алю все равно везут домой, а тот кто ее прессует – в полуметре от меня, но к нему так просто не подобраться.

Ладно, зайдем с другого фланга.

– Значит, он тоже – часть моей работы. Разрешите идти, товарищ полковник?

Савин тут же расплывается в улыбке. Ключет на незатейливую лесть. Боевое прошлое для него все еще имеет ценность, раз такая реакция. Интересно, в каком состоянии его навыки?

Два десятка лет в десантуре забыться не могут.

Узнать у генерала бывший позывной Савина.

Любопытно, кстати...

– Отставить, капитан, – покровительственно хлопает меня по плечу, – Влад, здесь все свои. А вот то, что Тимуру надо подтянуть навыки пилотирования – это факт. Но давай, иди. Не задерживаю.

Держит нейтралитет. Умный мужик. Знает, когда надо показать зубы, а когда – спрятать.

Выхожу в коридор.

Дверь за мной закрывается бесшумно, как и всё здесь.

Некоторое время стою, глядя на стеклянную стену, за которой виднеется море. В голове только одна мысль – Аля пока в безопасности. Но сомнений нет, что именно Рашидов ее прессует. Слишком остро она среагировала на его появление.

Знала девочка, кто летит в той вертушке.

Свежий, солёный ветер с моря ударяет в лицо и враз вышибает из головы духоту кабинета. Сажусь в «Гелендваген», завожу движок. Смотрю на удаляющийся стеклянный корпус в зеркале заднего вида.

Савин, Рашидов, их деловые партнёрства, неуправляемый вертолёт и дельфины – всё это теперь одна большая головоломка. Но самое важное я уже знаю.

Аля в центре этого замеса.

И по какой-то причине девочка не может сбежать.

Выезжаю с территории базы, нажимаю на газ. Город впереди – утренние пробки, бесконечные светофоры. Но мне туда не надо. Там моя квартира, пустая и холодная, с видом на гостиницу и чужую жизнь.

Мне сейчас нужно другое. Место, где я могу думать и работать.

Решаю на дачу.

Место силы.

Заодно посмотрю, кто за мной поедет.

Савин – игрок. Он не оставит меня без присмотра после такого представления. Хвост будет точно. Может, уже есть. Надо проверить.

Выезжаю на трассу, вдавливаю педаль газа в пол. Ветер в открытое окно – солёный, влажный, живительный. Сбивает мысли, но перед глазами – Аля. Её испуганный взгляд, когда она смотрела на вертолёт.

Интересно, сколько времени пройдет, прежде чем до Рашидова дойдет, что вертолёт – далеко не единственное, что он может потерять в этих горах.

Добираюсь до дачи – двухэтажный дом на отшибе коттеджного посёлка, в глухой лесной части. Вокруг ни души. Идеальное место, чтобы тихо отработать полученную информацию. Заезжаю, выключаю мотор.

Тишина такая, что слышно, как ветер касается листвы.

Захожу в дом. Устраиваюсь за барной стойкой на кухне и включаю ноутбук. Запускаю защищённый канал, открываю базы данных. Пока идёт загрузка, лезу в мессенджер. Просто так. Просто чтобы увидеть её имя. Заодно, посмотреть может найдется еще какая-то инфа по ней.

Кто же ты, Альбина И как ты попала в эту ситуацию?

Приватность?

Нет, по ходу девочка об этом не слышала.

Рассматриваю ее фото. Нереально красивая девочка. Ныряю в галерею и скачиваю архивом все ее фотографии. Втягиваю носом воздух и вспоминаю ее запах – нежный, с легкой цветочной нотой.

Чувствую, сносит крышу.

Аля в онлайн.

Ненадолго снимаю приватность со своего аккаунта. На время ставлю свое фото и возможность Але понять, что я в сети. Мысль о том, что она – по ту сторону экрана и возможно сейчас видит мое фото, будоражит.

Ввожу номер телефона Али в одной из первичных баз данных. Пока информация загружается, завариваю крепкий чай с травами и продолжаю разглядывать фото Али.

Смотрю на экран и понимаю, что хочу знать о ней всё.

Что ей нравится, какую музыку слушает, на кого учится, где живет. Хочу слышать, как она дышит рядом со мной.

Хочу держать этот аленький цветок в своих руках.

И еще хочу слышать, как она стонет, когда кончает. Как выгибается, когда её касаются мои ладони. Как в порыве страсти она горячо шепчет мое имя.

Хочу знать, какая ты, Аля в постели.

И я это узнаю.

Глава 6. Клуб "Волчья Луна"

АЛЯ

Читальный зал архива пахнет пылью и старой бумагой. Хочется чихать и все время противно слезятся глаза. А еще от духоты и специфического запаха подкруживается голова. Или это всё от перенапряжения?

Тихонько сижу за дальним столом, под лампой с зелёным абажуром. Передо мной – заключение баллистической экспертизы. Пожелтевшие страницы исписанные мелким, убористо–мышинным почерком.

И совершенно непонятные мне термины, от которых уже голова ходуном ходит, как избушка на курьих ножках.

«Дульный компенсатор».

«Угол вхождения».

«Дистанция выстрела».

Читаю один абзац и чувствую, что уже на середине теряю нить. Не могу сосредоточиться, слишком много незнакомых терминов и они не задерживаются в голове. Надо собраться. С грустью мечтаю о чашке крепкого кофе – жаль, что здесь нет кофематов. Да и принести с собой нельзя.

Строгие порядки, но деваться некуда.

Савин и так приложил максимум усилий, чтоб меня допустили до архивных материалов. Хотя он и не верит мне, но все же пошел на уступку. То ли, потому что он давний друг

моего отца, то ли по причине своей давней влюбленности в мою маму...

«Скорость пули на дистанции».

«Траектория».

«Энергия выстрела», какие-то Джоули. Это же вроде из физики что-то, да?

Термины сбивают с толку.

Как будто кто-то специально старался, чтобы никто не понял. Интуитивно понимаю – *именно тут то самое, что я ищу*. Три года изучения судебной лингвистики уже дают ясное понимание того, как может выглядеть подтасованное заключение.

Да, я не разбираюсь в баллистике.

Никогда не держала оружие. Но сейчас смотрю на эти страницы и чувствую – именно здесь ложь.

Не могу поймать себя на конкретном факте, просто интуиция

Слишком много указывает на то, что это был какой-то непредсказуемый несчастный случай. Еще раз вдумываюсь в смысл И если на бумаге все выглядит гладко и достоверно, то все эти стройные теории разбиваются о профессиональное мастерство Глеба Голицына.

Мой отец всегда с оружием был на «ты». И застрелиться на охоте случайно и так нелепо?

Да ну!?

Но экспертиза говорит другое.

Продолжаю скользить уставшим взглядом по тексту. Термины снова плывут и мешаются в кашу. Бесят своей недоступностью.

«Угол вхождения» «трасологическая экспертиза»

Голова кругом, глаза слезятся от напряжения. Ясно одно – так я могу убить не один день на поиски улики, но не приближусь к цели. И интуиция не спасет. Что толку верить, если не можешь доказать?

Зажмуриваю глаза и резко распахиваю. Смотрю на пыльную картонную папку–скоросшиватель. Оглядываюсь по сторонам и понимаю, что даже если я не вижу здесь камер наблюдения, то они все равно здесь есть. А значит, сфотографировать результаты экспертизы на телефон – заведомо провальная затея.

Нужно найти место, где можно научиться хотя бы обращаться с оружием. Понять, как оно вообще устроено. Ну и может быть, задать нужные вопросы.

Стрелковый клуб, например.

Закрываю папку и достаю телефон. Надеюсь, связь тут не глушат? Начинаю гуглить частные клубы – так чтоб можно было просто заплатить за гостевой визит, без обязательного членства. И очень желательно прямо сегодня.

Подходящих вариантов – не густо, почти везде требуется запись едва ли не за две недели, а то и за месяц. Купить гостевой пропуск можно, но тоже – дело волокитное.

Но один из клубов, выпавших в результатах поисков,

мгновенно привлекает мое внимание своим названием.

«Волчья Луна», что-то знакомое

Оселяет мгновенно Помню, года два назад отец был одним из ключевых спонсоров этого клуба. Без капитала Глеба Голицына клуб просто не смог бы открыться. Еще название такое – яркое, характерное

Открываю страничку клуба. Так, ага, вот контакты руководителя.

Захар Волков.

Любопытно, если я напишу ему и представлюсь, меня сразу пошлют или сначала задержатся с ответом, а потом за уши притянут причину для отказа? Вежливо отошлют, как пить дать.

На благодарность людей рассчитывать как-то глупо. Да и вообще, я давно уже научилась полагаться только на себя.

Но все же, почему бы не попытать счастья? Пишу короткое письмо Захару Волкову, представляюсь и прошу лишь о разовом гостевом пропуске на имя Альбины Голицыной. Даже и не надеюсь, что мне вышлют реквизиты оплаты, хотя счет там даже за разовый визит – не маленький.

Пошлют скорее всего

Готова разорвать себя на кусочки из-за непрошибаемой наивности. Ну сколько можно быть такой дурой, уже скоро двадцать.

Едва не роняю телефон на мозаичный пол, когда от Волкова почти мгновенно приходит ответное сообщение. Ждут

в любое время, на ресепшене предъявить документ, оплачивать ничего не надо.

Лично для меня на все действует безлимит.

Вот так? Просто и быстро?

На миг я зависаю. И совершенно некстати в голову лезет мысль о Соболе.

Интересно, а он разбирается во всех этих терминах? Он же из спецназа, по идее должен знать К щекам приливает жар, и я чувствую, как внутри что-то тепло и глупо откликается.

Но тут же душит горечь.

О таких, как Соболев, можно только мечтать. Мои мечты – только в телефоне. В секретной папке. Там, где я храню его фото, как влюбленная дурочка.

С горечью осознаю, что ни с кем не готова поделиться своими находками и сомнениями.

Хватит того, что Олег Савин на меня смотрит, как на жалкую зверушку.

Так, прочь сомнения, надо поторопиться. Еще такси вызывать в эту «Волчью Луну», ехать далеко, почти за город. Там еще рядом кажется, какой-то полигон был на картах.

Места и в самом деле волчьи, дикие.

Выхожу из архива и тут же натываюсь взглядом на серебристый спорткар «Мерседес» моей мамы. Припаркован прямо у входа, даже не сдвинувшись на положенные метры от пешеходного перехода.

Ну конечно, правила не для Нины Голицыной. Мама сидит за рулём, в идеально сидящем белом костюме, с безупречным маникюром и свежей укладкой. Огромные клипсы с черным жемчугом – апофеоз вычурности, хотя конечно и стильно до безумия.

Мама не выходит из машины. Просто опускает стекло и смотрит на меня так, будто я – пятно на её любимой сумочке.

И попробуй сейчас я сказать маме, что у меня – свои дела. Не важно какие. Все, что не касается прямых интересов Нины Голицыной, для нее – неликвид и второй сорт.

– Здравствуй, мама, – устало здороваюсь и сажусь в машину.

Скандала не миновать, это уже семейная традиция.

Но хотя бы – не на улице.

– Боже, Альбина, в кого ты у меня такая? – голос сочится жалостливой брезгливостью, – что за жуткая футболка, прекращай одеваться в масс-маркетах. Волосы... боже, когда ты в последний раз записывалась на ламинирование? Ну кто на тебя посмотрит? Ты же как гадкий утёнок выглядишь. И держи спину ровно, не сутуль плечи.

Ясно, ничего нового.

Отворачиваюсь, чтобы выбраться из машины, но она не позволяет.

– Стой, Альбина, не уходи. Давай серьёзно. Ты хоть понимаешь, что у нас на счету сейчас каждая копейка? Твой отец оставил нам одни долги, десятки миллионов просроченных

долгов. И если Тимур не поможет, мы на улице окажемся. Он пока согласен, но не стоит его злить.

– Мам, я не выйду за него, – говорю устало, даже без злости, – замуж только по любви.

Мама смеётся – зло и коротко, как будто я сморозила несусветную ересь.

– Ну и кто же тебя возьмет, скажи мне? В этом твоём виде? Без денег, без связей? Ты думаешь, мне приятно тебя подталкивать к этому браку? Но выбора у нас нет. Через месяц нас выселят из дома, ты хоть это понимаешь? А Рашидов – он платит. И закрывает все вопросы. Ты выходишь за него замуж. И точка.

– Он платит за меня, – говорю тихо, чтобы не сорваться, – как за вещь. Да и для тебя я – лишь часть сделки. Может стоит хотя бы распродать часть активов? И купить машину попроще, для начала?

Опасный, тонкий лед.

Взрыва не миновать.

Мать закатывает глаза. Щёлкает зажигалкой, прикуривает тонкую сигарету с запахом ментола и едва уловимого парфюма.

– Ой, Альбиночка, не драматизируй. Нам не обязательно побираться. У Тимура огромные деньги, у тебя будет всё, что захочешь. Машина, частный вертолет, дорогие курорты, особняк в центре. А я хоть вздохну спокойно, перестану считать каждую копейку. Ты просто не знаешь, как это – когда

тебя душат долги. А я знаю. И я не хочу больше так жить.
Молчу.

И про вертолет, который Рашидову подарил мой отец,
молчу.

И про все остальное – тоже. Не хочу ей напоминать, что
она между прочим выходит замуж за Савина. Конечно, он
был другом семьи, но все равно это как-то чересчур

Да и денег у Олега Савина вполне достаточно для того,
чтоб шутя перекрыть все долги моего отца.

*Которые тоже слишком внезапно образовались после то-
го «несчастливого случая».*

– Ты хоть раз в жизни сделала бы что-то полезное для се-
мьи, – жёстко отрезает мама, – думай, Альбина. Тимур боль-
ше не готов ждать. И если ты откажешься, пеняй на себя.
Таким как Рашидов, не отказывают.

Сглатываю боль.

Тяжело дышать. Даже не верится, что это говорит моя ма-
ма. Хотя, как раз я не поверила бы, если б она вдруг отказа-
лась от давления на меня.

Мама заводит двигатель и смотрит на меня поверх тонкой,
золотой оправы очков.

– Приведи себя в порядок. Хотя бы для видимости при-
личия. Чтобы люди не думали, что моя дочь – голодранка.
Хотя, это ж еще умудриться так надо – отправиться волонте-
ром, спасать дельфинов. Вечно тебя тянет на какую-то экзо-
тику. Пора взрослеть, дочь. Выглядишь, как будто ночевала

на вокзале.

Молча ухмыляюсь, но остаюсь при своем мнении. Бесплезно вступать в полемику. Выбираюсь из неудобного, низкого седана и умудряюсь стукнуться головой о стойку двери.

Спорткар резко трогается, оставляя меня в облаке выхлопных газов.

Мама даже не поинтересовалась, куда мне ехать. И не предложила подвезти.

Впрочем, все как обычно.

Мельком вижу свое отражение в витрине кофейни и совершенно не могу отделаться от маминых «комплиментов». Ясное дело, о таком как Соболев можно и не мечтать. Все, что мне светит – фото в телефоне.

Наверное, он просто привык так смотреть на всех женщин. Флиртует, играет. А я – одна из многих. Такая же, как все. Очередная наивная дурочка, которая повелась на горячий взгляд капитана Соболева и низкий голос с хрипотцой. Каких у него, наверное, сотни.

Красивых, уверенных, опытных.

Почему-то сейчас мне особенно больно. Магия ночного колдовства на берегу моря рассеялась окончательно. Вон она, твоя реальность, Альбина. Горькая и одинокая, в которой тебе придется добиваться всего самой.

Отец, с его жестокими попытками сделать меня самостоятельной, видимо прекрасно знал, к чему меня готовить. Его одержимость привить мне навыки выживания, едва не стои-

ла мне здоровой психики.

В семь лет он завез в лес и пытался заставить меня выбираться самостоятельно. Я тогда не понимала, что в кустах за мной по пятам следовала его охрана.

Вышколенная, невидимая.

Мне казалось, что отец меня бросил. Страх мешал дышать, лес обволакивал сонной тишиной, хотелось кричать но я не имела права на слезы.

Альбина Голицына однажды должна была встать во главе отцовской бизнес-империи. И она должна была быть сильной.

Но *она – не я.*

Вот только, кому от этого сейчас легче?

Нельзя раскисать. Надо ехать.

«Волчья Луна» ждёт. Моя первая отправная точка.

Несмотря на вечерние пробки, такси в такую даль находится на удивление быстро. Да и машина совсем рядом, подача через несколько минут. Боюсь даже удивляться собственному везению.

И вдруг по спине пробегает холодок – резкий, неприятный. Замираю на миг, прислушиваюсь к себе. Кто-то смотрит, как в том дурацком лесу, в детстве. Просто глупый страх. Оглядываюсь по сторонам – обычный вечерний Сочи, машины сигналият, люди торопятся, фонари зажигаются.

Ничего подозрительного. Но ощущение, что кто-то стоит в нескольких шагах позади, не проходит.

Выдыхаю, когда рядом со мной тормозит белая машина. На всякий случай, придирчиво сверяюсь с номерами в приложении. Плюхаюсь на заднее сиденье, захлопываю дверь и чувствую, как дрожь понемногу отпускает.

Как будто успела увернуться.

Убежать от того, кто почти дотянулся до меня.

Первое желание – воткнуть наушники и загрузить меланхоличный плейлист, но меня не покидает мысль о том, что за мной и в самом деле кто-то наблюдал. А значит, расслабляться точно нельзя.

Город за окном такси заканчивается внезапно, почти так же резко, как сумерки превращаются в густую черноморскую ночь. Полчаса с превышением скорости и машина резко тормаживается у двухэтажного особняка с надписью «Волчья Луна».

Мы на месте.

В лицо ударяет воздух – прохладный, горный, пахнет лесом и сухой, медовой травой. У въезда в клуб – разномастные тачки. От дорогих и навороченных, до простых и потрепанных бюджеток. Рядом – вход в бар с таким же названием.

Интересно, когда мой отец спонсировал этот клуб, мог ли он представить, что я переступлю порог этого заведения с одной целью. Разобраться в отчетах баллистической экспертизы того, что мне упорно пытаются выдать за несчастный случай.

Улыбчивая бойкая девушка на ресепшене, сверяет мою

фамилию с данными в компьютере, пока я беззастенчиво разглядываю ее пирсинг и татуировки.

Протягивает пластиковую карту, черную с золотым логотипом VIP.

И визитку владельца клуба.

– Господин Волков просил передать, что вы здесь как дома. Если что-то понадобится – звоните. Вот его личный номер.

Смотрю на карту в руке. Глаза предательски щиплет. Сглатываю комок в горле, часто моргаю и улыбаюсь, чтобы не разреветься.

Меня действительно ждут.

Не отворачиваются и не ищут причины для отказа

Прохожу через двойные двери в стрелковый зал – и мир глушится. Точнее, взрывается звуками, но приглушёнными, будто из-под воды. Внутри просторно, высокие потолки, стены обиты тёмным поролоном. Ряды перегородок, за которыми угадываются силуэты.

Где-то слышны короткие, сухие очереди. Где-то – одиночные выстрелы, от которых внутри всё вздрагивает. Пахнет металлом, порохом и потом. На стойке разложены наушники-беруши, рядом – защитные очки.

А потом я вижу Его.

В затемнённой части галереи, у дальней стены, где почти нет света. Соболь в чёрной футболке и камуфляжных брюках и с пистолетом в руке.

Мишени вылетают с разных сторон, и он реагирует раньше, чем я успеваю моргнуть. Выстрелы идут один за другим, без задержек, будто Соболев не целится, а просто знает, куда полетит пуля.

Корпус напряжён, но я не могу отвести откровенного взгляда от него широких плеч и мускулистого торса. Залипаю на его руках, сжимающих оружие.

И отчаянно завидую рукояти пистолета в этот момент.

Отгоняю непрошенную мысль о том, что я хотела бы оказаться в этих руках

Пожалуй, гостеприимством Захара Волкова я воспользуюсь в другой раз. А пока – скорее прочь отсюда, пока Соболев и в самом деле меня не заметил.

Не хватало еще, чтоб капитан Соболев подумал, что его преследует настырный, гадкий утенок.

Осторожно делаю шаг назад.

Перевожу дух, когда оказываюсь в светлом холле – там хотя бы не пахнет порохом и тестостероном, от которого кругом голова.

– Альбина Глебовна, неужели так рано уходите? – девушка с пирсингом на ресепшене ободряюще улыбается, глядя на мою растерянную физиономию, – карта безлимитная. На всё, включая бар. Алкоголь, кофе – что угодно.

Вспоминаю, что безумно хотела кофе еще в архиве.

Вздыхаю и захожу в бар.

Может для меня найдется чашка сливочного капучино с

корицей?

Кожей ощущаю на себе заинтересованные взгляды. Много взглядов. Горячих, тяжёлых, мужских.

Тестостероновый шторм. Мужичий дождь.

Мне не страшно, просто слишком непривычно. И точно надо драпать домой.

Кто-то из-за стойки смотрит с откровенным интересом, кто-то приподнимает бокал, ухмыляясь. Вот на такое внимание я точно не рассчитывала. Я просто хотела выпить чашку кофе. Но кажется, эту затею лучше реализовать дома. А в стрелковый клуб заеду завтра утром.

Наверняка по утрам тут меньше народу.

Смущенно ретируюсь обратно к выходу.

– Красотка, угостить коктейлем? – ухмыляется какой-то поджарый парень в камуфляже и кивает бармену, не дожидаясь моего ответа.

Уже открываю рот, чтоб отказаться, но не успеваю. Делаю неловкий шаг назад и спиной врезаюсь в горячее, мускулистое тело.

– Девушка со мной, – раздаётся позади низкий, с хрипотцой голос.

Соболь.

Сердце тут же взрывается шальной тахикардией.

Глава 7. Клубничное наваждение

АЛЯ

Разворачиваюсь к Соболю и мгновенно попадаю в его объятия. Мысли несутся, как бесноватые пони, но я не могу придумать ни единого убедительного ответа на тот вопрос, который логично задаст Соболев.

– Что ты здесь делаешь, Аля? – шепчет мне на ухо и под шумок выводит из бара.

Мне нравится его горячий шепот. Но он вызывает во мне странные, такие незнакомые и слишком волнующие ощущения. И еще то, как он произносит мое имя.

Тоже очень волнует

Снова оказываюсь в холле стрелкового клуба. И понимаю, что мне нереально трудно врать под прямым взглядом капитана Соболева.

– Хотела научиться стрелять, вот.

Выпаливаю и в упор гляжу на Влада.

Верит или нет?

Соболев недоверчиво ухмыляется, но пока никак не комментирует. Забирает у меня VIP-пропуск и личную визитку владельца клуба.

С интересом рассматривает и так же молча возвращает. Ладно, все равно буду стоять на своей версии. В конце концов, мне и в самом деле надо научиться обращаться с оружи-

ем, если я хочу разобраться в заключении баллистической экспертизы.

Так что, чисто технически я не вру.

– Аль, – сейчас Соболев непривычно серьезен, – если у тебя какие-то проблемы, говори прямо. Я смогу помочь.

Не сводит с меня взгляда.

Ждет ответа.

– Нет проблем, просто хочу научиться стрелять. Без какой-то цели.

– Стрелять без цели, – хмыкает Соболев и сдерживает улыбку, – ладно. Пойдем, попробуем.

Краснею до кончиков ушей, понимая, какую околесицу только что сморозила.

Стрелять без цели.

Умница, Альбина, умеешь производить впечатление.

Соболев ведет меня обратно в стрелковую галерею. Проходим мимо девушки с ресепшена и она с интересом глядит на нас. Но лишних вопросов не задает. Впрочем, как и все здесь.

В тире останавливается у стойки. Берёт пистолет, проверяет обойму, быстрым движением руки передёргивает затвор. Завороженно смотрю на его руки – сильные, загорелые, с чёткими венами.

На то, как ловко они управляются с оружием. Как привычно, будто это продолжение его тела. От этого зрелища бабочки в моем животе устраивают волнующий переполох,

и я чувствую, как щёки заливают жаром.

Влад поворачивается ко мне. Протягивает пистолет рукояткой вперёд.

– Держи.

Сам становится позади меня, вплотную. Чувствую его горячее дыхание над моей головой. Боюсь шевельнуться и еще больше боюсь собственных ощущений. Как сосредоточиться на пистолете в моих руках, если Соболев сейчас настолько близко?

– Давай попробуем, – хрипло предлагает Влад и поправляет пистолет в моей руке.

Его пальцы переплетаются с моими, скользят по запястью, задерживаются на секунду дольше, чем нужно.

Чувствую его пульс – или свой? Не знаю.

Пытаюсь собрать мысли в кучу, но они мгновенно разбегаются. И еще этот пистолет – он слишком тяжелый, обжигающе–ледяной и пугающий

– Пока нет особо опыта, лучше держать двумя руками. Поначалу.

Влад накрывает мою ладонь своей и кладет на рукоять пистолета.

– Так удобней?

Сипло выбиваю что-то отдаленно похожее на «да».

– Проверяем наличие патронов, – инструктирует Влад и голос как-то сбивается, но может мне просто кажется.

Одной рукой быстро достает магазин из рукояти и так же

быстро, с щелчком вставляет обратно. Боюсь дышать. И еще больше боюсь спугнуть что-то новое и совершенно необычное для меня. Пусть даже это всего лишь уроки стрельбы.

– Не сжимай его так сильно, – его голос у самого уха, с порочной бархатцей, – расслабься, Аля.

Пытаюсь расслабиться, но готова сгореть от стыда, если вдруг Соболь догадается о том, что мои мысли откровенно поплыли не туда.

Пистолет снова оказывается в руке Влада.

– Мы явно не с того начали, – едва слышно ухмыляется Соболь и его ладонь ложится на мою поясницу, заставляя чуть прогнуться и выпрямиться, – сначала встань в стойку. Вот так, умничка. Чуть раздвинь ноги. Прими устойчивое положение.

Влад сейчас так близко, почти накрывает меня, что я чувствую его бёдра у своих. Соболь сейчас – горячий, твердый, опасный для меня.

Его ладонь скользит по моей талии, поправляя стойку.

Пистолет – снова в моих руках.

– Просто обхвати его, не сжимай.

И снова ладони накрывают мои. Да что ж такое, я расслабиться могу только когда меня касается Влад? Ох, но его прикосновения и в самом деле как-то расслабляют И одновременно полностью лишают концентрации.

Что мы тут делаем?

А, да учим меня стрелять.

Без цели.

– Ствол в твоих руках. Он не должен тебя пугать, он – только твой. Просто привыкай к нему. Можешь провести ладонью. Почувствуй, наощупь.

Берет мою ладонь и накрывает ствол, пока я веду по теплой стали. И сгораю от двусмысленности. Надеюсь, Влад воспринимает это иначе. И не видит, насколько я покраснела. Щеки пылают огнем.

– Он – замираю от смущения, но вопрос сам срывается с губ, – он выстрелит?

– Сам? – хриплый смешок приятно царапает ухо, – нет. Без твоих действий выстрела не случится. Готова пойти дальше?

Молча киваю, на миг зажимаюсь и одному радуюсь – тому, что Влад не видит, как я тщетно пытаюсь скрыть улыбку.

Не видит же, да?

– Привести в боевую готовность, – продолжает Влад, – передернуть затвор.

Щелчок и лязг затвора в моих руках, прежде чем я успеваю сообразить, что вообще происходит. Кроме слишком горячих уроков стрельбы.

– Сдвигаешь на себя резко и отпускаешь. Немного практики и научишься. Досылаешь патрон в патронник.

Ошалело гляжу на пистолет в своих ладонях. И чувствую, что немного расслабляюсь. Сознание плывет, все становится

слишком горячим. По коже – мириады мурашек, отчаянно еще пытаюсь сконцентрироваться на пистолете.

– Готова?

– Да.

– Снимаешь предохранителя.

Мой палец что-то дергает на стволе, вернее – все проде-
лывает Влад. И с пистолетом, и с моими ладоням. Пьянит
ощущение горячего, заряженного ствола в моих руках.

– Жмешь на спуск.

Зажмуриваюсь, нажимаю на спуск, и выстрел рвёт тиши-
ну. Отдача бьёт в ладони, и я дёргаюсь, но Соболь удержи-
вает мои руки, не даёт бросить. Гасит собой волну отдачи,
швыряющую меня на него.

Ошалело гляжу на свои руки.

Не думала, что в последнюю секунду растеряюсь.

Влад просто удерживает мои ладони своими на пистолете.
Осторожно забирает его и кладет на стойку. Разворачивает
меня к себе. От стыда я готова сквозь пол провалиться.

– Как только люди от этого удовольствие получают? – рас-
терянно бурчу и прячу взгляд.

Соболь усмехается краешком губ, но темный взгляд се-
рьезен.

– Первый раз эмоции захлестывают. Потом начинаешь
понимать, что тебе это нравится. Контролировать процесс.
Чувствовать, как он тебе подчиняется.

Смотрит на меня в упор.

Не выдерживаю, отвожу глаза.

– Попробуем еще раз, и ты почувствуешь это совсем иначе, Аля... Поверь, это затягивает.

Чувствую, как щёки заливает жаром. Влад вообще сейчас о пистолете говорит? Мое спутанное, воспаленное сознание не дает сосредоточиться на стрельбе.

Встречаюсь с ним взглядом.

И тут же отвожу глаза. Чтоб не выдать себя.

Секунда. Другая. Он не двигается, но я слышу его дыхание – глубокое, сбитое, и чувствую, как его бёдра касаются моих.

Рукой ищу опору на стойке и случайно нашариваю пистолет. Соболь все мгновенно подмечает, но не выпускает меня из своих рук. И не отводит взгляда.

– Он заряжен, – хриплый шепот пропитан опасностью, – снят с предохранителя.

– Так можно? – машинально реагирую на его слова.

– Со мной – да.

Боюсь саму себя, больше не контролирую и не понимаю своих реакций. И совершенно не могу сопротивляться наваждению, которое сейчас между мной и Владом. Стыдно представить, что он обо мне вообще подумать может.

– Мне надо домой – сиплю выталкиваю из себя.

– Я отвезу.

Соболь медленно отпускает меня. Не отводит взгляда. Не могу прочесть его эмоции, но я вижу, как темнеют зрачки.

Как тяжело он дышит. Словно раненый зверь и он сорвется прямо сейчас.

Берет меня за руку и молча ведет к выходу. Мимо девушки на ресепшене, которая мгновенно принимает деловой вид и разумеется, ничего «не замечает».

На парковке мы подходим к черному «Гелендвагену» и Соболев помогает мне устроиться на переднем пассажирском. Млею от его случайных прикосновений, но искренне надеюсь, что мне удастся надежно скрывать свои реакции.

Он не должен догадаться

Выруливаем с парковки и я с интересом всматриваюсь в розовую, реальных размеров Луну. Ну вот, сегодня еще и полнолуние, Клубничная Луна. Кажется, Лия об этом говорила что-то. Ее как всегда несет на мистику.

«Оборотни ищут себе пару».

Это если верить моей подруге. Вечно уносит Лию во всякую чертовщину.

Но и в самом деле, там в стрелковом клубе между нами что это было?

Ясно, во всем винить только клубничную луну.

Верчусь, утопая в мягком кожаном сиденье и стараюсь слишком явно не глазеть на Соболева. Но взгляд уплывает к его рукам, скользит вниз.

– Это в центре, – невпопад брякаю, когда Влад выставляет маршрут в навигаторе.

– Знаю, – в голосе Соболева слышится откровенная улыбка.

– Откуда? – вырывается у меня, и я чувствую, как сердце пропускает удар. Сладкий, горячий и непонятный трепет разливается в груди.

Влад медлит.

Смотрит на дорогу. Как будто подбирает слова.

– Ты мне нравишься, – тихо говорит и жмет на педаль газа, – очень. И я узнал твой адрес.

Обалдело зависаю и не нахожу, что ответить. Мне никогда и никто не говорил таких слов, не признавался. И вообще у меня голова кругом от уроков стрельбы. Дышу через раз, пытаюсь фокусироваться на реальности.

Может и правда – полнолуние так действует, клубничная луна?

«Гелик» резко ускоряется, берет влево. Движок рычит, но в салоне едва слышно, скорее – ощущается. Влад мгновенно меняется, реакции молниеносные. Взгляд уходит в зеркало заднего вида.

– За нами погоня?

Короткая усмешка.

– Не бойся, все под контролем.

Навигатор захлебывается предупреждениями.

«Марирут перестроен, марирут перестроен, мариру»

Соболь резко выключает панель, в салоне мгновенно виснет тишина. Напряженно вжимаюсь в сиденье. Почему-то кажется, что по нам непременно должны открыть огонь.

Боясь шелохнуться, скашиваю взгляд в правое боковое

зеркало. Но там – месиво из слепящего света сплошняком фары, одни лишь огни. Не понимаю, который из них – тот, от кого мы уходим. Но четко осознаю – мы уходим. Пытаемся оторваться.

Соболь ведёт машину резко, но уверенно.

Повороты, перестроения, обгоны.

Путаюсь в том, как он это делает – но он не сбавляет скорости.

Кому-то пишет сообщение, прямо на ходу. И тут же получает ответы. Пятой точкой чую, что это напрямую связано со мной. И с хвостом позади нас.

– Выдыхай, Аля, – теплая искорка в его голосе мгновенно растапливает мое замершее сердечко. Не сразу соображаю, что мы уже спокойно едем по знакомым улицам.

– Третий подъезд, – зачем-то говорю, как только мы въезжаем во двор.

Соболь тормозит у подъезда, мгновенно принимая на себя огонь любопытных взглядов местной молодежи.

И дежурных алкашей, облепивших лавочку.

– Давай, я провожу тебя. Хочу проверить, что тебя в квартире никто не дожидается.

От предложения Соболя становится одновременно и страшно, и сладко. С этой клубничной луной я совершенно забыла о том, что вообще где-то существует Рашидов и его свора. И моя мама, дико мечтающая с моей помощью поправить свое финансовое положение.

Поднимаемся на лифте и совершенно некстати в моем телефоне начинают вибрировать входящие сообщения.

Мама. Извиняется за сегодняшний, слишком резкий разговор и хочет завтра встретиться. С грустью гашу экран.

Ничего не меняется.

Ближе к полуночи в особняке моей мамы на боевое дежурство заступает очередной бокал мартини. Савин к этому относится с долей юмора, вполне лояльно.

Но встретиться нам надо.

Хотя бы для того, чтоб просто окончательно поставить точку.

– Все в порядке? – цепко следит Соболь за моими действиями.

И за тем, как я поспешно гашу экран смартфона.

– Да, – неловко вру и отвожу взгляд.

На этаже привычно выкручена лампочка. Позади меня знакомый лязг пистолетного затвора.

Соболь входит в квартиру первым, инстинктивно закрывая собой. А я кайфую вот даже от того, что он – всегда настороже. И это мгновенно путает мои мысли, только-только успокоившиеся.

Моргнув, с хлопком гаснет электричество в квартире. И моя маленькая студия мигом погружается в темноту.

– У нас постоянно по ночам выключают, – смущенно бормочу и лезу на полочку над плитой. Там должны лежать свечи и спички.

Соболь получает от кого-то сообщение на телефон и смахивает с экрана. Подсвечивает мне, помогая найти нужную коробку.

– Аль, этой ночью можешь спать спокойно. Тебя никто не потревожит. Только никуда не выходи.

Глаза увлажняются мгновенно.

Влад снова ничего не спрашивает. Он просто делает то, о чем я не просила.

Защищает молча.

Нащупываю свечи. Пальцы дрожат от волнения, кожей ощущаю его взгляд. И горячее дыхание, совсем рядом.

Сглатываю комок в горле, от волнения мешающий дышать. Верю его низкому, твердому голосу, сейчас сбивающегося на шепот, так будоражащий меня.

Почему-то верю безоговорочно.

– Спасибо, – шепчу я, и голос срывается. Глаза предательски влажно щиплет. Но в темноте не видно.

Нервно пытаюсь чиркнуть спичкой. Раз. Два. Пальцы не слушаются, спичка ломается. Чувствую, как пылают щёки. Снова пытаюсь, но у меня ничего не получается.

Соболь молча подходит ближе. Накрывает мои ладони, его пальцы сжимаются вокруг моих. Как будто мы снова в стрелковом клубе.

Мы вместе чиркаем спичкой по шершавой поверхности коробки. Он подводит мою руку к фитилю, и свеча зажигается.

Медленно разворачивает меня к себе.

Свечи разгораются, освещая его лицо, его глаза – сейчас особенно тёмные, глубокие, с опасным блеском.

Замираю.

Отчаянно пытаюсь справиться с дрожью, прошивающей все тело.

Почему-то я не могу отвести взгляд. Смотрю на его губы. На его руки, которые всё ещё держат мои.

– Боишься? – его голос сейчас уходит в шёпот, порочный, сбитый.

Хоть сейчас не ври ему, Альбина. Он ведь все понимает. Все видит.

– Да.

И от его взгляда мне становится жарко до головокружения. Сейчас наши губы – опасно близко. И я боюсь, даже сама не понимаю чего именно. Первого поцелуя или опозориться еще и тут с полным отсутствием опыта

Его телефон снова глухо вибрирует. Соболь мгновенно включает экран и напряженно, едва слышно выдыхает сквозь зубы, читая сообщения.

– М-mmm, товарищ генерал как же невовремя.

Соболь не отводит от меня взгляда. В его глазах сейчас плещется голодная тьма, и я чувствую, как он с усилием возвращает себе контроль. Медленно отпускает меня.

– Аль, просто никуда не выходи. Ты в безопасности этой ночью. Доверься.

– Даешь слово? – недоверчиво шепчу и пытаюсь скрыть улыбку.

Соболь кивает.

– Слово офицера.

Качаю головой и не верю в то, что это происходит в моей реальности. В то, что я сейчас слышу. Капитан Соболев – настоящий, здесь в моей квартире. В секунде от поцелуя. И ему надо срочно уходить.

Дверь захлопывается.

Какое-то время стою, прислонившись лбом к прохладной дверной обивке. И вслушиваюсь в шаги на лестнице. Соболев не воспользовался лифтом? Интересно, тоже какая-то привычка?

Вдыхаю его запах, до упора заполняя им легкие. Улыбаюсь и вытираю слезы. Вечер был слишком напряженным. И он ушел. А я больше всего на свете боюсь, что утром волшебство рассеется. И мы больше не пересечемся с ним.

Или он предпочтет сделать вид, что ничего и не было.

Но еще больше меня пугает мысль о том, что он узнает о том, кто меня преследует. И отыщет благовидный предлог, чтоб слиться.

– Аля, у тебя проблемы с доверием, – горько шепчу в темноту и моргаю, чтоб прогнать слезы.

Устало включаю огонь на плите, ставлю турку и засыпаю в нее немного молотого кофе, с щепоткой кардамона.

Мысли – вразброд.

Перед глазами – Соболь, и я схожу с ума от одних только горячих воспоминаний о тренировке по стрельбе.

Наливаю кофе в чашку и с ногами забираюсь на подоконник. Обхватываю горячую чашку обеими ладонями и задумчиво гляжу в окно.

Нереально светящаяся, яркая, огромная – прямо над моим домом висит Клубничная Луна.

Оборотни ищут себе пару.

Глава 8. Дельфины и акулы

СОБОЛЬ

Учебная база спецназа не засыпает даже по ночам. Полигон со стрельбищем встречает меня прохладным ночным ветром с предгорий и запахом солянки. Значит, только что отработывали транспортные маневры. Или пока готовятся.

Въезжаю через открытые ворота, паркую «Гелендваген» у КПП. Пошли вторые сутки без сна. Глаза сами слипаются, но кровь бурлит адреналином.

И перед глазами – Аля, нежная и так откровенно-влюбленная.

Черт, если бы не звонок генерала, эту девочку сегодня я бы точно не выпустил из постели.

Генерал ждёт меня в смотровой рубке.

Быстро взбегаю вверх по металлическим ступеням. Удивляюсь тому, что несмотря на усталость, все еще могу двигаться бесшумно. Даже по металлу.

Стеклянная коробка на возвышении, нависающая над полигоном. Свет внутри – приглушённый, мониторы мерцают, карта местности на экране. Матерый волчара и сам не спит, и меня сдернул.

Значит, есть причины.

– Заходи, – без приветствий генерал сразу кивает мне в сторону потертого кожаного кресла, – разговор будет долгий.

По Савину есть информация, сам решай как ее использовать. Мне важен итог.

Мгновенно напрягаюсь.

— Какая информация?

— Нина Голицина. Знакома тебе такая фамилия?

Судя по тому, как генерал впивается в меня насмешливым взглядом, он явно ожидает от меня положительного ответа.

— Фамилия знакома, — осторожно начинаю, оставляя себе пространство для маневра.

Михалыч усмехается. Но не сводит с меня цепких, проницательных глаз. Расслабляться пока рано.

— Выходит замуж за Савина. Думаю, как раз тебе эта информация лишней не будет для разработки Лешего.

— Кого? — от неожиданности чуть подаюсь вперед и пытаюсь уложить информацию в голову.

— Олег Савин, позывной «Леший». Но есть и еще кое-что. И пока ты не напортачил, лучше тебе бы знать заранее.

Напрягаюсь. Чувствую подвох. И как раз — вот то самое, ради чего генерал меня срочно среди ночи выдернул от Али.

— Савин не так чист, как хочет выглядеть. В другой момент меня его личная жизнь не интересовала бы. Но сейчас ситуация принципиально иная. И теперь тебе придется действовать с поправкой на любовницу Савина. О которой Нина Голицина, разумеется, ничего не знает.

Интересное кино.

Михалыч не стал бы поднимать шум из-за чьих то огрехов

по личным вопросам. Любопытно, что там за дамочка такая, явно не из простых же.

Вопросов не задаю.

Проматываю в голове варианты, но годных – нет.

Генерал распечатывает пачку сигарет, берет одну и подталкивает коробку ко мне. Пачка скользит по деревянной столешнице. Машинально тянусь к ней и тащу свою сигарету.

– Илона, – бросает Белов и хмуро усмехается.

Сознание на миг переклинивает. Врывается отупляющая боль, зрение разом схлопывается в злые, болезненные картинки из прошлого. Взрывы, суглинистая земля повсюду. Из последних сил тащу на себе очередного раненного. Сил не хватает, цепляюсь руками за землю, ползу к своим, с трехсотым на спине.

Отстреливаюсь, не жалея патронов. Но скорее – в направлении, чем прицельно по противнику. Глаза не фокусируются. Автомат удерживаю усилием воли, пальцы не слушаются. В голове – туман, как и должно быть под релаксантом.

Который вколола Илона.

Белов молчаливо следит за мной, не вмешивается в воспоминания. Озадаченно закуриваю и тут же выдыхаю дым.

– Военно-полевой бордель, капитан Соболев, – хитро усмехается Михалыч, – в твоем случае это уже привычка. Никак не хочешь прокомментировать?

Качаю головой.

Сам бы послушал.

Но то, что Илона трется вокруг Савина – откровенно паршиво.

– Интересно, – размышляю вслух и Михалыч мгновенно напрягается, – насколько Савин в курсе той истории с Илоной? Ее ведь кто-то прикрывал тогда.

Белов стряхивает пепел с сигареты и смотрит прямо перед собой. На миг в рубке становится тихо.

– Вот и выясни, за каким чертом Савин связался с Илоной. Или она – с Савиным. С этими двумя все непросто. И тебе предстоит разобраться, какого черта еще и она там ошивается. Дельфинарий тот кишит акулами.

– Вроде так проблем мало, – ожесточенно выдыхаю и тут же поправляюсь, – виноват, товарищ генерал.

Михалыч никак не реагирует, но ухмыляется.

– Ладно, если вопросов нет – не задерживаю.

Уже собираюсь уходить, но пара вопросов все-таки возникает и как раз удобная okazия с ними разобраться. Поверхностной информации слишком мало, а для остального у меня просто не тот уровень доступа.

– Мне необходим доступ к архивным материалам по делу Глеба Голицына.

В глазах генерала мгновенно мелькает ледяная ярость, но лишь на секунду. Нечитаемый взгляд снова мрачнеет.

– Тоже не веришь в несчастный случай? Глеба я знал лично. И поверить в ту чушь из экспертизы

Белов качает головой, словно отгоняет какую-то нелепую мысль. И гневно гасит недокуренную сигарету в пепельнице.

Хмурится – уже не на меня, а в себя. В прошлое.

Потом отводит взгляд к мониторам и говорит глухо, будто вспоминает вслух.

– Глеб Голицын Мы с ним в одной упряжке были с самого начала. Горячие точки, вылазки – сам знаешь, какого дерьма там можно нахлебаться. Он был спецом редкой сноровки. Настоящим. Не штабной крысой, а боевым офицером. Рисковал собой ради своих ребят, и не раз. Его бы – в герои, да только он сам этого не хотел. Жёсткий был. Но в нашем деле по-другому нельзя. Ушёл в отставку полковником. Потом – бизнес. Тяжёлый, да не без криминала, но тихо. Не зарывался. И своих не забывал. Не отказывал. Вон, тому же Захару Волкову с его стрелковым клубом помог открыться.

Генерал замолкает. Смотрит в одну точку.

Потом переводит взгляд на меня

– А теперь ты ответь мне, как отличник оперативно-тактической подготовки. Ты бы поверил, что боевой офицер, с оружием «на ты» – и случайно застрелился на охоте? И одновременно так разом его бизнес вдруг накрылся медным тазом.

Качаю головой.

Не сходится никак. Про Глеба Голицына конечно слышал, в своем роде был легендой. Но конечно и жесткости хватало, порой с перегибами.

– Тогда, – тихо вставляю, сбиваясь на сиплый голос, – мне тем более необходим доступ к его делу. Хочу сам посмотреть, уже с прицелом на Савина и Илону.

– Допуск получишь, но лично от меня. Своих людей пока не хочу привлекать к этому. Давай пока сам разведай, что да как. И вот еще что. У Голицына есть дочь. Девочке сейчас должно быть лет девятнадцать–двадцать.

Смирно, боец.

Оперативная проверка.

– Да, – осторожно соглашаюсь, – есть дочь. Альбина Голицына, как раз и работает волонтером в центре Савина.

Озадаченная ухмылка расплзается по генеральской физиономии. Бьет прицельным, слишком цепким и подозрительным взглядом.

– Соболев, девчонку только не вплечай в выполнение боевой задачи.

– Так точно, – начинаю я, но генерал жестко перебивает.

– Голицын был непростым, но своими он не торговал. С жесткостью порой перегибы были, но за своих бился насмерть. У него был кодекс, Соболев. И он всегда его соблюдал. Глеб был настоящим офицером, что бы там ни говорили. И мы не раз прикрывали друг другу спины. Обидишь Альбину – будешь лично передо мной держать ответ. Без поблажек. Это ясно, капитан?

Куда уж яснее.

Встаю. Прямо, по стойке.

Со стороны замечаю – слишком резкая реакция, палюсь откровенно, но уже все равно. Здесь все свои.

– Так точно. Разрешите выполнять?

Альбину не должно зацепить. Это и есть моя задача.

– Не задерживаю, – мгновенно отвечает генерал.

Но я безошибочно улавливаю теплые нотки в его голосе.

Выхожу из рубки и сбегая по ступенькам. На полигон стягиваются отряды бойцов. Ночные ученья, видимо еще и показательные. Оглядываюсь, выискивая подполковника Маркина. Не хватало еще с этим обиженным гнусом столкнуться.

Запрыгиваю в «Гелендваген» и медленно проезжаю через КПП. Шлагбаум поднят, ждут автобусы с бойцами.

Отъезжаю на пару сотен метров вдоль глухого бетонного забора с колючкой и притормаживаю. Надо успокоиться и отфильтровать информацию. Спать больше не хочется и это плохо. Адреналин мешает успокоиться, он же снижает сосредоточенность.

Большинство ошибок совершается именно в таком состоянии.

Вдох–выдох, капитан.

Закрываю глаза.

И вижу прямо над собой бескрайнее, голубое небо африканской саванны. Всего десяток километров до тропика Рака. Глухо взрывается земля. Небо заслоняет сухими комьями, пыль оседает на лице. Небо медленно гаснет.

С трудом могу шевелиться. Релаксант действует слиш-

ком жестко. Понимаю, что раненых перетаскивать дальше уже не смогу. Подкрепление должно прибыть в течение часа. Патроны на исходе. Зрение отказывает, слух притупляется. Остается лишь боевая чуйка.

В паре метров от нас начинается поле из густой поросли дикого проса и слоновьей травы. Там тихо. И значит, противник выдвинется именно оттуда.

От слабости не могу даже перевернуться на живот. Так и лежу на спине, отбрасывая автомат за голову – в направлении зарослей. Перед тем, как погаснуть, африканское небо взрывается развратно-лживыми и ледяными глазами Илоны.

В них – насмешка.

И релаксant.

Автоматная очередь плотно прошивает заросли. Стреляю, пока полностью не отключаюсь. На случай, если противник до нас доберется, я готов забрать его с собой. Но сил нет даже на то, чтоб дотянуться до подсумка с гранатами.

Выдернуть чеку

Автомат затихает. Слышу рокот вертолетных винтов. Поддержка уже на подлете. Потом представят к награде. Хотя, лично сам бы выбрал трибунал.

Четверых бойцов удалось спасти.

Фары бьют в лицо, вырывают из африканской темноты мыслей. Микроавтобус с бойцами, резина шуршит по бетон-

ке. Отряд на тактику гонят – ночная отработка, скорее всего, с десантированием. В зеркале провожаю их взглядом. Смотрю, как автобус исчезает за воротами полигона.

Окончательно сгоняю колючие остатки пыли и саванны из глаз.

Илона – в прошлом. Лживая, развратная сучка. Воспоминания атрофировались. Осталась только пустота. И понимание, что там, где она появляется – жди беды.

Достаю телефон. Коротко пишу Марсу. Он сейчас на подстраховке у дома Али, вместе с Сапсаном. Ответ приходит мгновенно. Порядок, девочка под контролем.

Выдыхаю, отпускает. Хотя что-то за последние пару часов идет правильно.

Сразу наваливается усталость и концентрации хватит лишь на то, чтоб без приключений добраться до дома. Слишком вымотан, внимание падает.

Савин, хвост, наружка – мгновенно всплывает в уставшем сознании.

Значит, домой нельзя. Надо – на дачу.

Туда точно не доберутся ищейки Лешего.

Выезжаю на проселочную дорогу, так чтоб не попадать в камеры. И пока я держу руль, внутри меня только одна мысль.

Аля.

Наверное, девочка спит сейчас. Не подозревает ничего про Савина, про Илону, про этот клубок дерьма. И я хочу,

чтобы она никогда не узнала. Потому что если кто-то из них коснётся ее, за себя я не отвечаю.

Ночная дача встречает меня теплой тишиной. Лес вокруг – глухой, темнеющий, ни одного огонька. Заезжаю через ворота, глушу мотор. Не зажигаю свет, только вытяжка на кухне разгоняет сумрак тусклым, абрикосовым свечением.

Сажусь за стол, открываю ноутбук. Чуть приглушаю свет монитора, слишком режет глаза. Ввожу её фамилию. Смотрю на профиль в базе. Усилив воли гашу все эмоции при виде ее фотографий.

Составить профиль, изучить.

Обычная аналитическая рутина разбивается вдребезги от вида васильковых глаз и соблазнительных ямочек на щеках, когда Аля улыбается.

Пролистываю её плейлисты – гитарная акустика, классика, романтическая нежнятина. Для меня важна любая информация по ней. Всё это – Аля. Слушаю её через плейлисты.

Совершенно не колеблясь, ставлю программу слежения на ее аккаунт. На всякий случай, потом сниму. Но если она куда-то поедет, я узнаю.

Нельзя мне потерять тебя, Аля.

Слишком много акул в том дельфинарии.

Захлопываю ноутбук. Наливаю кипятка в кружку, бросаю ройбуш с кенийским – горький, терпкий, чтоб сбить этот дурацкий адреналин. Пью и чувствую, как усталость тяжелой волной разливается по мышцам, прибывает к дивану.

Аля в сети. Сердце стучит и ускоряется. Просто смотрю на её аватарку, на статус «онлайн». И не могу остановиться. Отправляю ей несколько треков. Первое, что пришло в голову.

То, что сам слушаю.

Интересно, понравится?

Закрываю глаза. И сразу – её лицо. Мягкие, манящие губы, которые я чуть не поцеловал. Я хочу их. Хочу сжать её в руках, прижать к стене, сорвать с неё одежду. Лишь бы чувствовать её тело, её дыхание, её стоны и дрожь подо мной.

Она даже не представляет, что со мной делает. Теряю контроль от одного воспоминания, когда она смотрела на меня – нежная, распахнутая и доверчивая.

И вот попробуй, откажись от такого горячего приглашения.

Аля боится саму себя, своих желаний. И даже не представляет, насколько сводит с ума. Она – как минное поле, где каждый неосторожный шаг может закончиться фатально.

Проваливаюсь в сон и вижу её.

Мое минное поле с васильковым взглядом.

Значит, я тебя разминирую, девочка.

Глава 9. Пропал ты, боец

СОБОЛЬ

Выхожу из душа, наскоро ероша, вытираю мокрые волосы. Обёртываю бедра полотенцем и иду на кухню. Пока вскипает вода в чайнике, бросаю в кружку щепотку обычного черного и пару сухих веточек чабреца.

Надо прочистить мозги.

С утра пораньше сообщение от Белова по защищенному каналу. Все нужные файлы уже в ноутбуке. Выходит дело Глеба Голицына на личном контроле у генерала. Не слишком ли странно для обычного несчастного случая на охоте, как все хотят представить.

Белов не стал бы поднимать шум из-за рядового дела. Значит, там что-то есть. То самое, что он хочет, чтобы я увидел.

Машинально проверяю маячок на телефоне. Аля – на месте.

Точка зелёная, неподвижная.

Дома моя девочка, никуда не выходила. Снилось мне, всю ночь спать не давала, горячая и красивая. И это чувство не отпускает до сих пор.

В паху все сводит от напряжения, отвлечься от мыслей об Але нереально. Даже душ не принес облегчения.

Десяток быстрых отжиманий от пола, чтоб моментально прийти в себя.

Просыпайся, боец.

Это твоя Спарта.

От Марса с Сапсаном – тишина, сообщений нет. Значит, всё чисто.

Но вот это истораживает. Слишком спокойно, так обычно бывает всегда перед бойней.

За миг до того, как рванет противопехотная мина, обычно всегда благостная тишина.

Делаю глоток чая, смотрю на экран, на папку с делом Голицына.

Мысли мешаются в кучу. Тут только на один анализ – несколько суток. Баллистическая экспертиза, с расчетами и схемами. Интересное кино, но чуйка подсказывает, что как раз тут и зарыта собака. Делаю мысленную пометку еще раз вернуться к этому файлу.

Спустя пару часов, звонок от Сапсана нарушает тишину.

– Нас с Марсом срочно сдергивают в управу. Там у Маркина истерика очередная. Что-то вчера на ученьях произошло. Все на ушах. Аля – в доме.

Не нравится все это мне.

– Там как вокруг дома – ничего подозрительного?

– Все в порядке, – по громкой появляется Марс, – кстати, Аля еще с Лией только что говорила. В общем, решила увольняться с этого дельфинария. Ладно, мы погнали в управу. Маркин лютует. Про тебя что-то орал с утра.

– Ясно, – коротко бросаю и нажимаю на отбой.

Так и чувствовал ночью, что столкнулся с этим гнусом Маркиным на полигоне. Интересно, что он затевает. Не нравится мне весь этот расклад. Но понимаю, что генерал меня прикроет, официально я ведь вообще отстранен от службы.

Сворачиваю файлы по Голицыну – ими займусь позже. Сейчас более срочная тема – Рашидов, Леший и Илона. Вот ее появление как всегда – очень невовремя.

Одно радует, Альбинка увольняется из дельфинария.

Что-то развелось там акул на квадратный метр вот пусть сами друг друга и пережрут. Але там не место.

Для того, чтоб отработать задание генерала, мои руки должны быть максимально развязаны. Но в текущей ситуации это невозможно. Савин притворяется добрячком, на самом деле ведет свою игру, пытаясь сплавить Алю этому холеному борову – Рашидову. Тот ни перед чем не остановится, привык получать все по первому требованию.

Сердце не на месте. Надо срочно услышать Алю.

Набираю номер, выученный наизусть.

Тишина напрягает и уже знаю, что услышу в следующий момент.

«Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети»

Черт, а вот это уже не нравится. Ставлю на автодозвон, может сбой в сети? Открываю в ноутбуке программу-маршрутизатор. Так и есть. Алька полчаса назад вышла из дома. Отслеживаю ее передвижение. Сигнал пропадает в одном из

тоннелей. И больше не появляется.

Телефон продолжает работать в режиме автодозвона.

– Твою ж мать

Тупик.

Без вариантов. На доступ к внешним камерам уйдет несколько часов. Столько времени у меня нет. Коротко по защищенному каналу отписываюсь Белову. Доступ к видеозаписям нужен срочно, речь о безопасности Альбины Голицыной.

Напряженно затягиваюсь сигаретой в ожидании ответа. Не может Михалыч отказать. Сообщение прочитано. Пока удаленно просматриваю все данные с телефона Али. Не имею морального права, но что если зацепка – там?

Гашу эмоции, находя в защищенной папке свое фото. То самое, которое поставил специально для нее. И ее голосовые заметки – мысли обо мне. Черт, девочка только продержись. Я уже иду за тобой.

Переписка с матерью.

Извиняется. Говорит, что есть вариант не выходить замуж за Рашидова. Что за ересь? Родная мать выдает свою дочь за этого борова? На ноутбуке снова открываю дело Глеба Голицына и ищу всю информацию по его жене. Негусто, есть лишь несколько фотографий.

Аля вызывает такси.

Странно, конечная точка прибытия – выезд из города.

Краем сознания нервно жду ответа от Белова и доступа к

базам по городским камерам. Пять минут и доступ к нужным базам открыт.

Ввожу нужные координаты, ту самую точку, где прервался сигнал с телефона Альбины. Пока база загружается, спешно одеваюсь. Снова к монитору. Ага, есть зацепка на камерах. Аля прямо в тоннеле пересаживается из такси в тонированную серебристую машину.

Спорткар «Мерседес», кажется.

Пробиваю номера. Так и есть, Нина Голицына, мать Али. Вот только что за странный маршрут.

– Сука, – бью кулаком по барной стойке, понимая, что Нина специально уходит из-под камер. Видимо, прокладывала маршрут. Но откуда у нее такая информация? Впрочем, если она в связке с Савиным – то все становится на свои места.

Пытаюсь найти ее телефоны. Но все номера, зарегистрированные на нее – отключены. Значит, готовилась заранее.

Телефон Али по-прежнему вне зоны доступа. И это очень плохо. Глушилок на маршруте не стоит. Значит, либо отключила сама, либо оборудование в машине ее матери. С подачи Савина, например.

Мысль работает лихорадочно. Быстро отодвигаю ляду подвала и кубарем скатываюсь вниз по деревянным ступеням. Небольшой схрон – всегда самое необходимое под руками. Беру только самое экстренное. Надежный автомат и к нему пара рожков, подсумок с гранатами. В поясную кобуру отправляется старый добрый Марголин.

Еще ни разу не подводил. Особенно в ближнем бою.

И что-то настойчиво подсказывает, что на этот раз придется действовать тихо.

– Думай, боец, – сквозь зубы почти рычу от бессилия и просматриваю возможные варианты выездов из города. Если не под камеры – то только из города. Куда?

Открываю файлы по Рашидову.

Все, что успел собрать накануне. Тоже информации пока не особо, но как раз километрах в тридцати есть загородная резиденция. Оформленная на него. Судя по фото – с восточным размахом. Уже по периметру вижу, что на охрану не скупится. Прикидываю, сколько может быть человек в доме.

И сколько из них – вооружены?

Собаки на территории – есть или нет? Хотя, примерно знаю такой типаж, собак принципиально не будет использовать. Полагаясь только на людей и электронику. А зря, причем – в обоих случаях.

Быстро загружаюсь в машину, уже на выезде из ворот понимая, что забыл прихватить броник. Ну да ладно, сам – на легке. Алю закрою собой. Из дачного поселка до резиденции Рашидова – короткий отрезок пути.

Без камер.

На тот случай, если Савин решит меня вести удаленно.

Солнце уже в зените. Джип вылетает на трассу, педаль газа уходит в пол. Дорога пустая, только редкие фуры, и я проस्कальзываю между ними, не сбавляя скорости.

Лесопосадка появляется внезапно – зелёной стеной на одном из горных серпантинов. Сбрасываю скорость, сворачиваю в неё, и машина сразу начинает продираться сквозь ветки, которые хлещут по капоту и стёклам. Глушу мотор в густом подлеске.

Рядом – грунтовая тропа, правда сырая. Если к ночи не пойдет дождь, то есть все шансы выбраться.

Нахожу удобную точку для наблюдения – как раз весь особняк Рашидова, как на ладони. Али не видно нигде. Нина выходит из дома и садится в свой серебристый спорткар. Значит, привезла Алю и спокойно уходит.

Глушу эмоции.

Знакомый вертолет пафосно поблескивает в лучах солнца. Рашидову он без толку. С его навыками пилотирования, однажды и в самом деле гавкнется. Но чуйка подсказывает, что вертушка здесь не зря. И возможно, Алю увезут на ней.

А в том, что Аля в доме – не сомневаюсь. Пока наблюдаю за территорией, заглядываю в телефон. Что там по маячкам? Аля – вне зоны доступа. А вот один из номеров Нины Голицыной – в сети. С трудом держу себя в руках, замечая Рашидова.

Важно вышагивает вокруг вертолета, осматривает его. Рожа самодовольная.

Либо ждет кого-то, либо дожидается темноты.

Высчитываю примерное количество людей на территории. Многовато. Человек двадцать. Одному не справиться. Подо-

гнать Марса и Сапсана – все равно у противника перевес, с учетом того, что придется отбивать Алю.

Ладно, значит, действую сам.

И тоже подожду темноты.

Благо, Рашидов совершенно не заходит в дом. То с охраной о чем-то переговаривается, то наворачивает круги возле вертолета, словно это новогодняя елка. На взводе, явно.

Собак нет.

Ни разу за все время не услышал собачьего лая.

Сердце дергается от боли, стоит представить, что Аля там – одна в доме. Гоню прочь все эмоции, сейчас не до них.

Дождаться темноты, проникнуть в дом, забрать Алю – с минимальным привлечением шума.

Сумерки сгущаются очень быстро, но Рашидов теряет интерес к вертушке и уходит в дом.

Время действовать.

Спускаюсь по пригорку, прикрываясь подлеском. Бесшумно перемахиваю через небольшой забор и оказываюсь на территории. Часть особняка не огорожена, но там собрались бойцы Рашидова и есть риск ненужного шума.

Пистолет снимаю с предохранителя.

Замираю и прислушиваюсь.

Какое-то оживление у главных ворот. Интересно, кого встречают? Белый низенький седан Савина въезжает в ворота. Рашидов выходит из особняка и направляется к выезду. До особняка – метров двести. Вижу, как из окна на первом

этаже неловко выбирается Аля.

Охранники нехотя выдвигаются за Рашидовым, покидая свой пост. Алька мчится прямо в сторону небольшого рва, но в этот момент ее перехватывают двое. Один верзила бросается на нее и переворачивает бочку с горючим.

Единственный путь к отступлению отрезан огневой стеной.

Отсчет на секунды.

Аля неумело сопротивляется, оба мордоворота поглощены ею настолько, что упускают обстановку вокруг. По два выстрела «Марголиным» в упор – на каждого.

И Алькины ошалевшие омуты – как лучшая награда.

– Аля, быстро за мной, – хватаю ее за руку и тащу в сторону огня.

– Влад, – всхлипывает Алька и упирается, – нет

Раздумывать некогда. Девочка в панике, а других вариантов к отступлению у нас нет.

– Аля, обхвати меня. Покрепче.

– Мы через огонь прыгнем?

Давай же, малышка, расслабься. Немного полетаем, с огоньком.

– Давай детка, доверься. Самое время прыгнуть через купальский костер.

Несу ахинею. Но Аля испуганно жметя и боится шевельнуться. Секунды уходят. Расставляю руки. Девочка неловко повисает на мне. Хватаюсь за веревку–тарзанку, на кото-

рой только что упражнялись охранники Рашидова. Прочно-сти должно хватить на пару секунд. А больше нам и не надо.

– Давай, обхвати. Сожми сильнее.

И она сжимает. Приятно. Одной рукой держусь за веревку, отталкиваюсь от земли, другой – прижимаю её к себе. Рывок. Огонь внизу, жар, дым. Ветер бьёт в лицо. Через секунду – жёсткое приземление, она всё ещё в моих руках.

Не отпускаю.

Аля дрожит и боится расцепить руки.

– Умничка, – шепчу ей и помогаю ей встать на ноги.

Уходим в лес и едва добираемся до «Гелендвагена», как позади слышится шум. Предчувствие дурное. Вряд ли все обойдется погоней по лесу.

Нащупываю ручку двери, распахиваю, заталкиваю её внутрь. Сам влетаю за руль, захлопываю дверь, одновременно поворачивая ключ зажигания. Движок взрывается рыком, но колёса с хлестким визгом крутят вхолостую – вязкий грунт не отпускает, машина увязает глубже.

– Держись, – рычу, переключая передачу, выжимаю сцепление, педаль газа в пол.

Джип дёргается, замирает, будто раздумывает. И резко выбивается из грунтовой трясины. Воздух вздрагивает от рокота винтов. Рашидов поднял вертолёт.

Выжимаю скорость на максимум, вылетая на дорогу и тут же ухожу в лес, резко сбавляя скорость. Если вертушку пилотирует Рашидов, то мы сможем уйти без проблем.

– Ты – почти плачет Аля, – ты сможешь нас вытащить отсюда?

Вертолет не сбавляет скорости и облетает нас, словно играет. То выше поднимется, то обгонит и опустится прямо перед нами с зависанием. Опытная тактика подавления.

И это точно не Рашидов.

Переключаю скорости, обдумывая, как уходить. Обогнать вертолет на пересеченной местности – об этом лучше не думать. Сбить с земли – не вариант. Гранатомета с собой нет. Переключаю скорости.

– Рассказывай, как в переплет попала, – отвлекаю Алю, – и как перешла дорогу Лешему.

А в том, что вертушку сейчас пилотирует Савин, я больше не сомневаюсь.

Аля перепуганно бухтит о том, что не знает никакого Лешего. Вжимается в сиденье и поджимает под себя ноги, словно боится что кто-то схватит ее.

Так. Ладно. Других вариантов нет. Мы – в световом пятне, значит есть шанс, что пилот отвлекся на то, чтоб удерживать нас в поле зрения. Кругом – темно. Отлично.

Она вжимается в сиденье, цепляется за ремень. Хорошая девочка. Держится.

– Самое время поделиться историей, – отвлекаю, уводя тачку влево, на проселочную дорогу, – как выберемся – с тебя сказка на ночь.

Пауза. Стволы деревьев мелькают в свете фар.

– Горячая сказка, Аля.

Сказка для взрослых.

– Думаешь? – несмело шелестит Аля, а в глазах смесь паники и адреналина, – а если тебе не понравится моя сказка?

Ясное дело, подбирает слова, уходит от ответа. Ну да ладно, Аля не расскажет – сам все узнаю. Это так, просто отвлечь девочку. Снова вираж – ухожу в лес. Время сойти с дороги.

– Только врать не пытайся. Лес я знаю, сказки люблю.

Впереди как раз то, что надо. Небольшая низина и сразу – очередная горка. Лес этот знаю хорошо, с детства. Савин как раз увлекся игрой в кошки мышки, слегка отстал, пытаюсь дать нам фору, чтоб снова обогнать.

Ну что, Леший, сыграем в твою игру?

На моих правилах.

– Аля, держись, – рычу ей и резко увожу машину в низину.

Небольшая тропинка – то, что успевает выхватить глаз перед тем, как я вырубаю фары. Десяток метров и резкий подъем в полной темноте. Остается верить, что на тропинке не повалены коряги и нет рытвин.

Позади – грохот.

Вертолёт проносится над низиной, пытаюсь развернуться. Но мы уже уходим на подъем, и я вижу в зеркало, как он теряет высоту, заваливаясь набок.

Лопасты рубят кроны лиственниц, с хрустом буксуют. Машина дёргается, и тяжеломерно глохнет застревая в ветвях.

Погоня окончена. Если в той вертушке еще и Рашидов, то самое время ему вспомнить то, о чем я его предупреждал.

Как раз вчера утром.

В кабинете Савина.

Дорога петляет, выныривая из леса на старый, забытый тракт. Сворачиваю на него без фонарей, без указателей, просто по памяти – объездной крюк, чтоб не попасть в камеры. Аля пока молчит. И дрожит.

Вспоминаю то, что слышал утром с ее телефона. Голосовые заметки. Обо мне

Нравлюсь ей, но боится в этом признаться. И еще много неожиданно приятного из ее мыслей.

Крышу срывает так, что едва концентрируюсь на дороге. И зеркалах.

Хочется тормознуть машину, перетащить Алю к себе на колени и .

И я вижу краем глаза, как она вдруг обнюхивает свои волосы. Потом подносит к носу бретельку от сарафана, трёт ткань пальцами, хмурится.

– Что не так? – уточняю, едва сдерживая улыбку.

– Мне в душ надо. Я пахну костром и – ее голос подрагивает, – и лесом. Надо отмыться.

Никак не комментирую. Просто держу курс к дому. Желание только одно – запереть поскорее Алю в безопасном месте. И погрузиться в ее сказки на ночь.

– Кстати, – напоминаю ей, – ты мне горячие сказки обе-

щала.

Аля вспыхивает и закусывает нижнюю губу, отводя васьковский взгляд. Ну точно, минное поле.

И ты, боец, уже подорвался.

До дачи добираемся без приключений. Никаких хвостов. Все, кто теоретически мог увязаться за нами, сейчас пытаются выбраться из кабины вертолета, застрявшей в реликтовом ельнике.

– Ой, – перепуганно шепчет Аля и вжимается в сиденье, как только мы добираемся до моей дачи, – ты живешь в лесу?

Так-так, интересная реакция. Взгляд пропитан страхом. Аля инстинктивно вцепляется пальцами в ремень безопасности. Паническая атака? Очень похоже. Ладно, справимся и с этим.

Вопрос в лоб точно задавать нельзя, когда Аля в таком состоянии. А вот немного расслабить девочку

– Эту часть сказки я тоже очень рассчитываю услышать, – стараюсь, чтоб голос звучал ровно.

Вкатываемся во двор очень вовремя. Над головой раскатисто гремит гром.

Помогаю дрожащей Але выбраться из машины. Залипаю на длинных, стройных ножках и красном, коротком сарафанчике.

И сам не понимаю, что творю. Просто стягиваю резинку с ее волос, и они тут же рассыпаются густыми, шелковыми прядями по плечам.

– Тебе так красиво, – шепчу в ее горячие, чуть приоткрытые губки.

Голос не слушается, сбивается на хрип. Крупные капли ночного дождя падают на ее голенькие плечики, со сползшими сарафанными бретельками. Обалденная девочка, от нее срывает контроль напрочь.

Тормоза уходят в отрыв.

Держусь, сам уже не пойму как.

Аля не отводит смущенного взгляда, в котором плывут шальные огоньки. Соблазнительная и невинная провокаторша. Давненько не припомню, чтоб мне так крутануло мозги.

Переклинивает жестко, до темноты в глазах. Подхватываю ее на руки, ладони вскальзывают под короткий сарафанчик. Прижимаю девочку к двери «Гелика» и накрываю ее губы поцелуем. Аля всхлипывает и поддается.

Готов взять ее прямо здесь, сейчас. От Али сейчас сумасшедшая отдача, еще больше заводящая своей неопытностью.

Не разрывая поцелу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.